Ловец Душ

Автор:
Марина Ефиминюк

Ловец Душ

Марина Владимировна Ефиминюк

Берегиня Иансы #1

Ведьмы замка Мальи знают свое дело. Еще никому не удавалось похитить старинное заклинание, что они охраняют веками. Никто из пытавшихся не выжил и не смог рассказать правду. Но мир был полон легенд, а в каждой сказке, как известно, есть только доля вымысла. Ловец Душ – заклинание, оберегаемое страшными ведьмами, – был одной из таких легенд, пока… Пока не появилась одинокая душа и на собственной битой шкуре не узнала, что все, что ей казалось вымыслом, – правда: и драконы, и ведьмы Мальи, и Ловец Душ, который едва не стал для нее настоящей мышеловкой.

Пролог

Огромный сумрачный зал, заполненный тысячей дрожащих свечей, плыл перед уставшим воспаленным взглядом. Его сгорбленная, сведенная болезненной судорогой фигура отбрасывала длинные уродливые тени. От слабости и насыщенного запаха магии кружилась голова. Он сделал один неловкий шаг, пошатнулся, схватился за стену и отдернул руку. Ладонь обожгло, а к горлу подступил тошнотворный комок. На стене остался темно-коричневый след. Камни этого замка мягкие, живые, как человеческое тело. Он вытер покрытый испариной лоб и тяжело вздохнул. Надо убираться отсюда, пока ведьмы еще не ворвались в молельню. Он опустил голову, на полу вокруг уже натекла темная кровавая лужица, и на ее зеркальной поверхности отблескивали огоньки свечей. Кровь сочилась из раны на животе, пропитывала рубаху, капала на каменные плиты. Он никогда не видел столько крови…

Надо торопиться. Ноги казались ватными, перед глазами прыгали тени. Он с трудом спустился по ступеням к камню-алтарю. В самом его центре в двух выемках лежали тонкие изящные трубочки из розоватого мрамора. Он протянул к ним дрожащие пальцы: «Вот он – Ловец Душ!» – заклинание, которое изменит его жизнь! Он станет Хранителем, он найдет своего дракона, перед ним откроется весь мир, и этот мир будет его!

Боль стала практически невыносимой. Он сжался и тихо застонал. Темные густые капли почти сливались с бордовым камнем алтаря. Они его едва не убили, эти ведьмы, но он выживет! Смог же он проникнуть в их замок!

Неожиданный легкий шелковый шорох показался громогласным. Липкий страх в мгновение ока охватил все его существо, а в следующее мгновение мужчина почувствовал, как спину обожгло заклинанием.

Он судорожно схватил одну тонкую розовую трубочку, зажал в руке, но темнота уже окружала его, уже убаюкивала, обволакивала своим спокойствием. У него все получилось, почти…

Ведьма смотрела на него своими пустыми слепыми глазами. Она не видела его, только чувствовала, и теперь она знала, что он умер. Их секрет сохранится до конца времен, заклинание дождется своего хозяина. Они будут охранять его от нежданных пришельцев, желающих украсть. Ведь они, ведьмы Мальи, созданы беречь чужие секреты. И неважно, что в ее хрупкой телесной оболочке болезненно сжимается почти мертвая одинокая душа.

Пейзаж стремительно менялся. Мрачные темные стены исчезали, вокруг уже зеленел летний утренний лес. Одуряюще орали пичуги, солнце било, как сумасшедшее, разукрашивая деревья светлым золотом. Она все еще смотрела на окровавленное тело, лежащее в кустах у проселочной дороги. Ведьма резко развернулась и растворилась в ослепляющем солнечном отблеске, лишь мелькнул край легких белых одежд…

… Фрол Топоркин, сирота семнадцати лет от роду, брел по лесной дороге и грязной пятерней размазывал по чумазому лицу слезы. Плакал он от жалости к самому себе. Ровно полчаса назад мир прекратил свое существование, ведь потерялся золотой рубль, который Фролка прятал в подкладке старого, еще отцовского сюртука. Он громко шмыгнул носом, мотнул вихрастой башкой,

убирая упавшие на глаза волосы, и тут увидел скрюченную фигуру под кустом. Над телом роились мухи, трава потемнела от засохшей крови. Мальчишку прошиб пот, даже под мышками закололо. Сначала Фрол оторопел, обернулся назад, готовый убежать, но передумал. В конце концов, мертвые не живые – ничего сделать не могут, а у этого милсдаря, царство ему небесное, могут и денежки быть. Он судорожно сглотнул и, озираясь, подошел к телу. К его разочарованию карманы трупа были пусты. Паренек уже собрался было уходить, как неожиданно что-то блеснуло в ярких солнечных лучах. У мальчишки екнуло сердце. Мертвый что-то прятал в руке! Палец за пальцем Фролка разжал задеревеневшие пальцы и увидал тонкий розовый кулончик в форме трубочки. Оставаться одному вдруг стало неловко и очень страшно. Топоркин схватил кулон и сломя голову кинулся от закостеневшего тела на оживленный торговый тракт, проходящий как раз за лесом.

Здесь, рядом с повозками, каретами и конными он почувствовал себя в безопасности. На торговом пути было совсем не страшно. Фролка повеселел и подмигнул румяной девчонке в ярком сарафане, восседавшей на облучке подводы. Та фыркнула и отвернулась.

Он так засмотрелся на красавицу, что не заметил летящей на него всадницы в мужской одежде, и едва не попал под копыта ее кобылы.

– С дороги, щенок! – крикнула девица, вскинула голову и обдала паренька таким тяжелым пронизывающим взглядом, что у оборванца коленки затряслись и руки ослабели. На какой-то ужасный миг ему показалось, что эта незнакомка знает, как лишь минуту назад он обыскивал хладный труп. Но нет, она промчалась мимо, поднимая дорожную пыль и прикрикивая на лошадь. Сзади нее лишь развивалась светлая длиннющая коса.

Фрол сунул руку в карман и еще раз нащупал хрупкую трубочку, казавшуюся мраморной.

Вечером на ярмарке он продал кулон заезжему торговцу украшениями за настоящий золотой, который перекрыл своим круглым желтоватым телом все неприятные воспоминания этого дня.

Глава 1

В комнатушке размером в две квадратные сажени я разместилась с небывалым комфортом, правым боком прижимаясь к черенку от сломанной метлы, а левым – к садовой тачке. Господи, ну на кой черт музею нужна садовая тачка? Конечно, может быть, они на ней перевозят редкие экспонаты? Статуи, к примеру. Кстати, одна такая, с отломанной рукой, прямо сейчас холодила мне спину мраморным бедром.

В темноте заскреблись мыши, где-то резко щелкнула ловушка, раздался сдавленный писк. Я шмыгнула носом, поежилась от холода и попыталась завернуться в короткий тонкий плащ. Отчего в этих чертовых музеях такие сквозняки? Я почти жалела, что согласилась на эту аферу. Были дела и поважнее, но отчего-то я уступила терзавшему меня оскорбленному самолюбию и полезла в Королевский музей изящных Искусств.

Когда две недели назад Арсений прислал своего облезлого почтового голубя с коротенькой записочкой: «Паук Тоболевский выставил последнего Астиафанта», я хохотала как сумасшедшая. Колдун знал, чем меня привлечь! Ваза действительно являлась последним творением великого гончара, просто первые две я расколотила собственными рученьками. Когда пыталась украсть.

Где-то далеко ухнули городские часы. Их мерный звон едва доносился до забытого чуланчика, спрятанного за скелетом дракона и расписным гробом северного колдуна. Внутренне я собралась и стала считать удары, ровно в двенадцать музейный служка-маг зажжет магические лучи, а охрана уберется в подсобку коротать ночь. Я прислушивалась к каждому шороху, к каждому далекому угасающему шагу. Пора.

Я бесшумно приоткрыла дверь, снаружи представлявшую собой огромный портрет заморской принцессы, похожей на мартышку, и осторожно выбралась из укрытия. В большом пустом зале стоял лютый холод, все пространство пересекали ярко-зеленые лучи охранного заклятия, переплетающиеся самым причудливым образом и образующие подвижную паутину. Над полом тянулась чистая полоска, не тронутая колдовством, высотой в аршин.

Не густо.

Я опустилась, прижимаясь спиной к стене, а потом осторожно легла на холодный мрамор. Ползти, вжимаясь в ледяной пол, и бояться поднять башку, чтобы осмотреться, насколько далеко продвинулся, удовольствие небольшое. Прямо перед моим носом прошмыгнула крыса.

Черт! Есть же в этом музее штатный маг! Отчего бы не поручить ему поставить заклинание против грызунов?

Перебирая крошечными лапками, по моим ногам пробежала еще одна хвостатая тварь.

Прелесть, ей-богу!

Я перебралась в галерею Первопрестольной семьи. Их лошадиные лица грозно и недовольно таращились на меня с темных мрачных стен. Все-таки нынешний король Петр XIII не зря приказал называть себя Распрекрасным – по сравнению с остальными родственниками он обладал ангельской внешностью.

Лучи охранного заклятия в этом зале роились особенно густо, опускаясь еще ниже к полу. Неужели музейный чародей считает, что в этом здании самое ценное – это портреты королевского семейства? Я вжалась в пол и вершок за вершком продвигалась в Зал Гончарного Дела.

Как вообще шедевр великого Астиафанта посмели назвать «предметом гончарного дела»?

Здесь лучей было меньше, они грубо перекрещивались в пространстве, не затрудняя движения между стойками экспонатов. Одним рывком я поднялась на ноги и остановилась ровно в четверти вершка от магической линии, воняющей жасмином. Сердце вмиг подскочило к горлу. Пришлось затаиться и перевести дыхание. Один неудачный разворот, и весь музей заполнится визгливым воем заклятия, и тогда меня поймают. Точно поймают – с этим чертовым Астиафантом я каждый раз едва не попадалась.

А он блистал под стеклянным колпаком на своем высоком постаменте, холодный и неприступный. На стройном глиняном теле кое-где потрескалась белая эмаль, тонкий зеленоватый рисунок нежно обнимал изящную шею. Он, мой!

Осторожно, чтобы не задеть лучи, я достала из напоясной сумки призму с заклинанием и глубоко вздохнула, пытаясь унять дрожь предвкушения. Сейчас я дотронусь до стеклянного колпака, потом сосчитаю до четырех и разобью заклинание. Надо быть спокойной, ведь Арсений никогда не подводил. Его призмы, как городские часы, работают точно и безотказно.

Только я потянулась к стеклянному колпаку, как услышала грубый простуженный голос:

– Руки, дамочка!

В спину в районе поясницы уткнулось острие меча, потом медленно опустилось до крестца, вернулось обратно. Я замерла на месте и медленно подняла руки, зажимая в ладони призму.

– Повернись!

Я стала поворачиваться лицом к незнакомцу.

– Медленнее! Осторожно, лучи заденешь!

Значит, не страж. Тогда какого рожна?!

– Ты кто? – Я уставилась в незнакомое лицо, обветренное, заросшее многодневной щетиной. Глаза маленькие, черные, немигающие. Взгляд колючий и злой. От крыльев носа до уголков рта опускались глубокие складки. Мужчина был не местный, торусских «умельцев» я знала как облупленных.

– Неважно, – прохрипел он.

– Тебе Астиафант нужен? – Я попыталась прикинуть, как бы половчее ускользнуть от приставленного к животу легкого меча.

– Кто такой Астиафант? – вроде как изумился он, на секунду маленькие глазки покруглели.

В этот момент я резво отпрыгнула назад, уже доставая нож, и налетела на постамент. Неизвестный от неожиданности шарахнулся в сторону, длинный плащ взметнулся в воздухе и полоснул по тонкой зеленоватой линии. Раздался оглушительный вой охранного заклятия, но даже через него я услышала, как звякнуло о мраморный пол хрупкое тело Астиафанта. Я метнула взгляд в сторону вазы, которая уже распалась на сотни крошечных кусочков, усеяв белой крошкой половину зала. Почти зачарованно я смотрела на них, пытаясь подавить идиотскую улыбку, и не могла поверить собственным глазам. Этот точно был последним!

К действительности меня вернул угрожающий топот тяжелых стражьих сапог. Не обращая внимания на ошалевшего от жуткого шума незнакомца, я кинулась к дверям, где уже стоял штатный маг, совсем мальчишка, с вытянувшимся и бледным от испуга лицом. За ним в помещение ворвался десяток охранников с приготовленными призмами заклинаний и оголенными мечами.

«Попалась!» – почти испуганно подумала я, роняя на пол призму.

* * *

Осень в этом году пришла незаметно, как-то враз, будто солнце устало греть, и земля стала быстро стареть без его тепла. Деревья расцвели немыслимым ярким букетом, и Торусу затопил золотой листопад. Сусальные купола Первостепенного храма одиноко блестели на фоне нежно-голубого неба в свете остывающего солнца.

Я отвернулась от крохотного тюремного окошка и облокотилась на холодную влажную стену. Полусгнившая лавка подо мной пошатнулась, готовая в любую минуту развалиться на дощечки. Толстую решетку камеры окутывал зеленоватый слой магического разряда. Дотронешься, и так тряхнет, что мало не покажется.

От приторного аромата колдовства меня тошнило, я пыталась дышать в порванный рукав (вот ведь музейные надсмотрщики! Я даже не вырывалась, когда меня схватили, а одежду все равно попортили!), но рубаха уже пропиталась тюремной сыростью. Отчего здесь магия не пахнет жасмином, а воняет, даже дурно делается!

Когда придет Арсений, будь он неладен?!

Наступил вечер. Солнце садилось, и последние лучи льнули в окошко, раскрашивая каменный пол клетчатым узором. По коридору туда-сюда шастал охранник, печатая шаг тяжелыми сапогами. Он изредка кидал в мою сторону сальные взгляды и глумливо улыбался. Подозреваю, будь его воля, давно бы забрался ко мне в камеру, да жаль, без штатного мага не мог решетку отпереть.

Арсений меня спасать не торопился.

Я ни минуты не сомневалась, что уже к вечеру выберусь отсюда. Арсений мой друг, мой наставник, в конце концов, большой человек в Магическом пределе при дворе и вряд ли оставит меня в беде.

Или оставит?

Отчего-то с каждым часом, проведенным в холодном подземелье, уверенности у меня убавлялось. К сумеркам и вовсе накатила такая тревога, что захотелось завыть волком и покусать шута-охранника.

– Эй, убогая! – крикнул он с подленькой ухмылочкой. – К тебе гости пожаловали!

Как только я увидела грузную фигуру, завернутую в грубую монашескую рясу, то соскочила со скамьи и кинулась к решетке. Арсений отчего-то обожал представлять себя святошей, хотя с таким магическим потенциалом его бы близко не подпустили к алтарю. Испокон века магия и вера – лютые враги, хотя первыми ведьмаками были именно монахи. Кстати, нашего Распрекрасного пару лет назад предали анафеме за Магический предел у себя под боком.

Арсений, между тем, вошел в камеру, осмотрелся, покачал патлатой башкой, погладил длинную бороду и уставился на меня тяжелым немигающим взглядом. В моей душе шевельнулась змейка страха, что-то шло не так. Колдун вел себя очень, очень странно.

– Оставь нас, сын мой! – трубным голосом приказал он. Охранник моментально исчез, боясь ослушаться приказа правой руки первого мага Окского королевства. Когда смолкли торопливые шаги, Арсений кивнул:

– Ты как?

Я пожала плечами, помолчала, а потом задала главный мучивший меня вопрос:

– Ты когда вытащишь меня отсюда?

Мы неотрывно смотрели друг другу в глаза, напряжение росло и уже грозовым облаком нависало над нами. Арсений поспешно отвел взгляд, нахмурился, словно тянул время:

– Я не могу.

– Что?! – Я даже не вскрикнула – взвизгнула, поперхнувшись собственной слюной. – О чем ты говоришь, колдун? – прохрипела я через приступ кашля. – Что значит ты не можешь?! Ты, едва ли не главный человек этого чертова королевства, и не можешь?! Это смешно, – я почувствовала, как на глаза навернулись слезы, – ей-богу, смешно! – От отчаяния я схватилась за голову.

– Стражий предел хочет расправы, – буркнул он в бороду. – Наташа, я отношусь к тебе, как дочери, – начал он почти торжественно.

– Что же ты не отнесешься ко мне действительно как к дочери и не вытащишь отсюда?! – снова заорала я, перебивая его.

Последовавшая за этим пощечина оглушила и отбросила меня на пол. Я лежала на холодных камнях и пыталась прийти в себя, перед глазами равномерно плыли желтые круги, в ушах стоял отвратительный звон.

– Девчонка! – прошипел он. – Я не буду рисковать всем ради глупой воровки, попавшейся на самом простом деле!

Сил подняться не было, я повернула голову и бросила на Арсения яростный взгляд:

– Послушай ты, колдун, когда меня будут судить, я все выложу! Слышишь? Ты пойдешь на дно вместе со мной, крыса, бегущая с корабля!

Тут Арсений оскалился, и его лощеное лицо с расчесанной, напомаженной бородой стало действительно похоже на звериную морду.

– Может, я и крыса, – он наклонился ко мне, намотал косу на кулак, – но, заметь, я свободная крыса! – и прошипел прямо в лицо, потом брезгливо отпустил мои волосы и величественно вышел из камеры.

Я вскочила и бросилась к решеткам. Раздался щелчок, и прутья покрылись магическим разрядом. Меня едва не тряхнуло, я шарахнулась назад, но руку все равно слегка обожгло.

– Арсений! – крикнула я ему в спину. Колдун на секунду остановился. – Почему?

Он не ответил, он просто ушел.

От злости я плюнула ему вслед и мысленно прокляла. Сама упала на шаткую лавку и судорожно всхлипнула. Боже мой, даже моя мамаша говорила: связываться с магом – все равно что носить гадюку за пазухой!

* * *

Предательство Арсения меня подломило. Мы работали в паре с колдуном долгих пять лет. Он давал задания, я их выполняла. Простой налаженный механизм, в котором соскочила какая-то пружинка, и все сломалось. Колдун повернулся спиной, оставив меня наедине с бедой, а я считала его другом. Единственным другом.

За ночь я не сомкнула глаз. В голове крутилась тревожная мысль, не дающая покоя и мучившая меня. Я пыталась вспомнить, понять, осознать догадку, но она ускользала легкой тенью, оставляя после себя странное горьковатое послевкусие. Изредка по коридору проходил стражник, ударял по решеткам мечом, извлекая из них сноп магических искр. В их отсветах его лицо казалось уродливой маской.

Я поняла внезапно, даже в жар бросило. Все складывалось слишком просто и легко! Арсений дал план музея. Он объяснил, где можно там спрятаться. Он же сотворил призмы заклятий. Неработающие призмы! Заклинание рассыпалось, но

вой охраны продолжал оглушать, его снял только штатный музейный маг! Боже мой, как я сразу не почувствовала подвоха?!

Тихо застонав от бессилия и злости на саму себя, я схватилась за голову. Это ж надо! Попросить защиты у человека, изначально спланировавшего мой арест!

Под утро меня сморил тяжелый липкий сон. Неожиданно с решетки убрали разряд, и по железным прутьям стукнул половник. Я вздрогнула и открыла глаза.

– Откушайте, мамзель! – растянул губы в притворной улыбке давешний надзиратель, и через прутья пропихнул на пол плошку с куском хлеба.

Дрожа от холода, я поднялась, схватила миску и с омерзением посмотрела на ломоть заплесневелого хлеба, плавающий в жидкой похлебке. Для новичков ложка в этом заведении не полагалась. Я втянула носом дымок, идущий от варева: пахло рыбой, протухшей дней семь назад. Желудок моментально прекратил урчать, и голод отступил.

Через некоторое время есть захотелось пуще прежнего. Только я решилась отведать остывшего тюремного лакомства, как перед камерой появился уже знакомый охранник:

– Выходи!

Устало оглядев стража, я неохотно поднялась и только тогда заметила поблескивающие в скудном свете диметриловые наручники в его руках. Это открытие заставило меня отступить на шаг. Диметрил перекрывал любое проявление магии. Ведьмакам от них совсем худо становится, но и нам «яснооким» – тем, кто только видит колдовство, – удовольствие от этого камня небольшое.

Как только наручники сомкнулись на запястьях, вокруг перестало пахнуть жасмином, меня накрыла непередаваемая вонь отхожего места. В коридор я выскочила по собственной воле, даже радуясь в глубине души легкому тычку потной пятерни.

Как оказалось, моему «старому знакомому» из музея пришлось хуже. Разбитое лицо превратилось в смесь из кровоподтеков и синяков, да и на ногах он держался с видимым трудом. Плечистый охранник подтолкнул его, и обессиленный мужчина едва не плюхнулся на пол. «Да здравствует справедливость!» – подумала я со злорадным удовлетворением. Мерзавца, из-за которого я попала в такое ужасное положение, было ничуть не жаль. Более того, мне хотелось самой подойти и саданут его под дых, да побольнее! Мужчина словно услышал мои мысли и бросил в мою сторону такой свирепый взгляд, что я не смогла сдержать злой улыбки.

Мы петляли по бесконечным коридорам тюремной крепости. Отовсюду доносились стоны, здесь в холодных каменных мешках годами гнили забытые и правосудием, и родственниками заключенные. Я старалась смотреть себе под ноги и глотать воздух ртом, чтобы не чувствовать отвратительного смрада.

– Они бесы! Помоги! – вдруг раздался сдавленный всхлип, кто-то схватил меня за порванный рукав. Я с ужасом шарахнулась в сторону, вырываясь, потом с отвращением глянула в камеру на заключенного. Он, полубезумный, держался за железные прутья, будто их не покрывал разряд. – Помоги! – выкрикнул он.

Охранник ударил по решетке мечом, посыпались искры, лезвие потемнело. Заключенный отскочил назад и закричал:

– Они держат моего дракона в подвале королевского дворца, они убьют его! Я не хочу умирать!

Надзиратель схватил меня за шкирку и толкнул вперед, чтобы я не останавливалась. Сердце продолжало выстукивать барабанную дробь. Какого черта?! Какие драконы?! Не собираюсь я никому помогать и следующие тридцать лет жизни намерена прятаться от стражей после побега из медных рудников под Тульяндией!

– Хранитель, мать вашу! – прошипел охранник сквозь зубы. – Слышишь, он себя Хранителем дракона зовет! А знаешь, что этот чокнутый сказал вчера? – хрипло хохотнув, обратился он ко второму стражу, тот что-то нечленораздельно промычал. – Что меня растерзают драконы, когда вернутся! Слышь, драконы! Да этих тварей всех давно истребили!

– Знамо дело, – трубно подтвердил второй. – Эй, ты, пошевеливайся! – Раздался глухой удар и сдавленный стон «старого знакомого», а я буквально расплылась в улыбке от удовольствия. Всегда приятно, когда бьют твоего недруга.

Мы поднялись по длинной каменной лестнице и оказались в темной комнатке. После холода подземелья здесь было намного теплее. Створка единственного плохо закрытого окна скрипела от сквозняка. Через мутные разводы на стекле просвечивалось серое нахмуренное небо. Богатая деревянная дверь из мореного дуба казалась там чужеродным телом.

– Идем! – охранник подтолкнул меня к двери.

Огромный судейский зал, заполненный народом, подавлял своим величием и строгостью. В центре высились мраморные колонны, по всему периметру у стен застыли мрачные охранники, каждый на своем маленьком наделе, в отведенном ему уголке. Узкие окна закрывали бархатные пыльные портьеры. Над высокой кафедрой, где заседали судьи в напудренных париках, красовалась разноцветная мозаика, изображающая девицу с весами, лицом своим отдаленно походящую на ныне покойную мамашу Петра Распрекрасного, Элизавету Серпуховскую. На длинных скамьях шумели завсегдатаи мелких разбирательств, представляющие суд бесплатным развлечением, неким бесконечным спектаклем с постоянно меняющимися действующими лицами. Нас провели к трибуне, избитый «старый знакомый» буквально лег на стойку, низко опустив голову на руки, и я заметила, что диметриловые наручники выжгли кожу на его запястьях.

Так он маг?

Я посмотрела на мужчину со всевозрастающим интересом. Он с трудом приподнял голову и обвел судей, вольготно развалившихся в глубоких креслах напротив нас, каким-то затуманенным взором. Семь морщинистых стариков с презрительными взглядами и непомерным чувством собственной значимости.

От царящей атмосферы я было запаниковала, но тут же взяла себя в руки. В конце концов, ваза стоимостью не больше 90 золотых не может привести к большому сроку. Пред нами появился юнец в криво нахлобученном парике. Мальчишка сильно волновался, зажимал в руках потрепанную бумажку и смотрел на меня почти виновато. Я возликовала: с таким обвинителем, возможно, мне дадут всего пару лет исправительных работ! Условно, к примеру.

– Тихо! – раздался монотонный голос, повторявший эти слова тысячи раз. – Суд начинается!

В один момент гомон прекратился, и в зале повисла грозная тишина, нарушаемая лишь редкими шепотками зевак.

– Слушается дело Натальи Москвиной, – начал все тот же монотонный голос, – и… – голос запнулся. Похоже, даже суд не знал, что за птица стоит рядом со мной.

– Обвиняемый, представьтесь, – потребовал один из судей, пытаясь замять неловкость.

– Николай Савков, – хрипло отозвался обвиняемый и едва не рухнул на пол без чувств.

– …и Николая Савкова, – уже веселее поведал обладатель голоса.

– Обвинитель, приступайте, – снова кивнул судья, и с его парика посыпалась кукурузная мука.

– Н-н-наталья Москвина об-об-обвиняется в убийстве, – я поперхнулась от возмущения, – то есть в к-к-краже… в краже в-ва-вазы… А-а-астиафанта… да. – Паренек разволновался, отчего заикание стало особенно заметным, и совсем сник. Густо краснея, он бросил на меня жалобный взгляд, будто умоляя обвинить саму себя.

– Виселица! – вдруг произнес главный судья без вступлений, недослушав пламенную речь паренька. Мы с обвинителем одновременно моргнули.

Мне показалось? Я ослышалась? Что значит «виселица»? Это такой судейский юмор? Теперь мне стало действительно страшно, я лихорадочно теребила свою длинную, почти до колен, светлую косу, и уже сама жалобно смотрела на ошарашенного обвинителя. Тот никак не мог понять, что же произошло на самом деле.

Судья взял в руки молоток:

– … и этого, – он ткнул в сторону Николая, – повесить!

Казалось, Савков даже не обратил внимания, что его только что приговорили к смертной казни. Он с трудом повернулся ко мне и как-то нехорошо усмехнулся, зло.

После громкого удара судейского молотка ошеломленный зал загудел как пчелиный рой, обсуждая невиданное решение. Потом этот суд войдет в анналы истории как самый быстрый и жестокий за все время существования Окского королевства.

* * *

Закрытая, без единого окошка карета, опечатанная сильнейшей магией, тряслась на кочках и колдобинах. Я крепко вцепилась в деревянную лавку и через темноту пыталась рассмотреть сидящего напротив мужчину. Он закрыл глаза и прислонился к тонкой стенке кареты, грудь его тяжело вздымалась. Похоже, диметрил доставлял ему настоящее страдание. «Так тебе и надо!» – подумала я, но как-то вяло, уже не радуясь отвратительному состоянию новоявленного недруга.

Извне доносился шум улиц, чьи-то визгливые голоса кричали: «Смотри, смертников везут!» Потом все стихло, колеса перестали выстукивать по брусчатке чечетку, и карета пошла плавно, словно по грунтовой дороге. В щелочку через дверь пробивалась тоненькая полоска света и струйка чистого прохладного воздуха. Николай застонал и заерзал на лавке.

– Больно? – тихо спросила я, сама удивляясь участию, просквозившему в голосе.

– Нормально, – прохрипел он. – С чего вдруг озаботилась?

Я пожала плечами и замолчала, потом вовсе отвернулась.

Отчего-то представилась моя ничем не прошибаемая мамашка. Ей придут вести о моей кончине, и она нарядится в узкое черное платье, подчеркивающее каждый изгиб еще стройного тела, и, прикладывая к сухим глазам шелковый платочек, будет повторять знакомым: «Несчастную девочку убило наше

правосудие, как, впрочем, и Игоряшку!» Потом она еще несколько дней поиграет на сочувствующую публику, снимет траурную вуаль и забудет, что у нее когда-то была дочь.

Когда четвертовали отца, она вела себя именно так.

– Тебе страшно, Наталья Москвина? – вдруг прохрипел Савков.

– Нет, – отозвалась я.

Фальшиво, да и наплевать! В конце концов, именно из-за Николая – как его там? – Савкова меня сейчас повесят!

Честно говоря, я уже была чуть жива от накатывающего волнами страха. Моменты леденящего ужаса перемежались с таким же ледяным спокойствием. И не верилось. Не верилось, что через каких-то полчаса я перестану чувствовать, говорить, думать. Еще меня мучил вопрос: это больно, когда веревка затягивается на шее, перекрывая дыхание?

– Умирать всегда страшно, так ведь, Наталья Москвина? – продолжал он измываться.

– Не знаю, не пробовала. – Я замолчала и неожиданно для себя ужасно разозлилась. – Послушай, что ты от меня хочешь?! Позволь напомнить, милсдарь, ты тоже будешь висеть, вывалив язык! Кстати, – добавила я, успокоившись и стараясь не замечать его ироничного хмыка, – мужики разлагаются быстрее женщин, а все оттого, что вы…

Карета остановилась так резко, что я слетела с лавки, ткнулась лицом в колени Савкова и тут же отскочила, как от чумного. Дверь открылась, от яркого дневного света потемнело в глазах.

– Выходите, – приказал охранник, схватил меня за шкирку немытой ручищей и одним рывком выволок на свежий воздух. Не подумайте обо мне превратно, наверное, смертники не должны зацикливаться на таких вещах, но отчего-то меня одолела брезгливость, когда эта лапа схватила меня за ворот.

Снаружи меня ожидало престранное открытие: мы оказались на лесной заброшенной дороге, ведущей к затопленным угольным шахтам. Вокруг бледнели тонкие стволы молодых ярко-желтых березок, за ними высился старый еловый лес. Рядом с нашей каретой стояла другая, серая, незаметная, с четверкой лошадей, спокойно жующих пожухлую траву. Невдалеке маячила конная стража, высматривающая нежелательных соглядатаев. Савков между тем, скользнув по высокой ступеньке, вывалился на землю, потом тяжело поднялся на ноги. Никто и не думал ему помогать.

Я ничего не понимала, но, похоже, казнь откладывалась на некоторое время. Это хорошая или плохая новость?

Один из охранников, тот, с грязными ручищами, открыл дверцу серого экипажа и прикрикнул:

– Залезайте!

Мы с Николаем поспешно забрались в темное нутро, раздался крик возницы, и карета тронулась. В углу мягкого, обитого бархатом сиденья развалился худощавый господин с бледным чахоточным лицом и черными тоненькими стрелочками-усиками над губой. Незнакомец рассматривал проплывающий за окном пейзаж и, казалось, не обращал на нас никакого внимания.

Я перестала понимать происходящее и сама себе казалась легким перышком, по велению ветра порхающим из стороны в сторону.

– У меня предложение к тебе, – вдруг произнес господин, впрочем, даже не повернув головы.

Я насторожилась.

– Мы подарим тебе жизнь в обмен на некий предмет.

Сердце подскочило к горлу, потом метнулось в пятки. Это значит, я могу поменять нечто, что у меня есть, на собственную жизнь? Перед глазами все поплыло.

– Что за предмет? – от волнения голос осип. Я кашлянула и попыталась убрать с лица идиотскую радостную улыбку.

– Ловец Душ, – отозвался он.

«Что он сказал?»

Я выждала ровно две секунды и все-таки захохотала от бессилия. Хххосподи! Ловец Душ! Этот парень – совершенно свихнувшийся тип! Я задыхалась, вытирала слезы, стараясь не замечать злобных взглядов Савкова, пыталась проглотить смех, но хохот все равно вырывался наружу. Незнакомец повернулся к нам всем телом, стрелочки усов презабавно взметнулись вверх, вызвав во мне лишь новый приступ веселья.

Когда-то давно, в другой жизни, я училась в институте благородных девиц, говорила на трех языках, недурно играла гаммы на рояле и слушала на ночь сказки о великолепных принцах, защищающих своих любимых. Прекрасные юноши побеждали драконов, подчиняя их своей воле с помощью старинного заклинания – Ловца Душ. Я мечтала, что и в мою жизнь придет красавец, победит для меня дракона и жарко поцелует, а когда позже училась выживать в жестокой действительности, то узнала простые истины: все принцы, даже самые прекрасные, отменные козлы, прости, Господи, мою душу, а драконов истребили лет триста назад.

Сумасшедшим лучше подыгрывать. Я глубоко вздохнула, смех клокотал в горле:

– Вы имеете в виду тот самый Ловец Душ? – Я интимно наклонилась к незнакомцу и игриво подмигнула. – Тот, что спрятан в замке Мальи у ведьм?

Вот ведь философский вопрос: отчего в жизни никто никогда не находил замка Мальи? Некоторые энтузиасты, конечно, поверив в книжные небылицы, снаряжали целые походы для его поисков, некоторые потом защищали диссертации на такой благословенной теме. Ведьмы Мальи, кажется, перерождались из ведьм-утопленниц-самоубийц и получали в дар от древнего языческого бога страшную колдовскую силу. Нет, ну признайтесь мне честно, вы часто видели ведьм, готовых покончить с собой, сиганув с камнем на шее в какой-нибудь симпатичный омут? Я тоже. Ведьмы неплохо живут на деревенских харчах, перед ними преклоняются, их боятся, уважают. Что еще в жизни надо?

Незнакомцу, в отличие от меня, было не смешно, он смерил меня холодным взглядом:

– Я могу продолжить?

Я ухмыльнулась и кивнула.

– Замок находится между Заокской стороной и Тульяндией. Наш человек проводит тебя до Гиблых болот у деревни Зеленые Дубки. Когда ты выкрадешь Ловец и передашь его нашему человеку, ты станешь свободна. Я выражаюсь понятно? Ты заклинание – мы тебе жизнь.

– А он? – Я кивнула на Савкова, решив проявить небывалую щедрость в раздаче пряников. Пировать так пировать. Жить – так всем миром. – Ему смертную казнь никто не отменял.

Незнакомец молчал, похоже, в его четко разработанный план никак не вписывался приблудный маг, измученный диметриловыми наручниками.

– И еще, – я с наслаждением вытянула ноги, наступив грязным сапогом на дорогие туфли чокнутого, – я хочу расписку!

– К…к…какую расписку? – Похоже, незнакомого благодетеля наконец пробрало.

– Простую расписку, – пожала я плечами и попыталась почесать запястье, зудящее от наручника, – я, такой-то такой-то, даю расписку Наталье Игоревне Москвиной и Николаю… – Я бросила на Савкова вопросительный взгляд.

– Евстигнеевичу, – подсказал тот машинально.

– Именно, – продолжила я, – Николаю Евстигнеевичу Носкову, о, простите, Савкову, в том, что как только они найдут несуществующий предмет в сказочном замке, то сразу окажутся на свободе! Второе октября сего года и подпись.

– Я с тобой не шутки шутить приехал, – произнес незнакомец тихо и четко, аж мурашки побежали по спине, – если тебя вечером не окажется в Салатопке, то будем считать наш контракт недействительным. Ты можешь попытаться бежать, прихватив за шкирку своего мага, но вас схватят уже назавтра, и, клянусь, вы будете умолять повесить вас.

Карета остановилась, дверь моментально открылась, и в проеме появилось хмурое лицо давешнего стража. Незнакомец протянул мне жиденький кошель, а потом мы с Савковым вылезли у той же угольной шахты. С нас сняли наручники, Николай моментально выпрямился и повел плечами. У меня горели запястья. От нахлынувшей враз магии загудела голова, но как же было приятно вновь почувствовать ворожбу и увидать над черной тюремной каретой светящийся шар охранного заклятия, распространяющий нежный жасминовый аромат! Стражи оставили нам двух лошадей и поспешили обратно в город, а мы продолжали стоять на лесной дороге, пытаясь прийти в себя от потрясений последних суток.

Первым делом я заглянула в кошель и выудила оттуда пять медяков и один золотой.

– Не густо! – пробормотала я, пряча богатство обратно.

Так, теперь в Торусь! Сначала разберусь с Арсением, а потом пущусь в бега. Серпуховичи с Окией давно на ножах, поэтому там я смогу переждать некоторое время.

Мы выехали из леса на большой тракт, ведущий к Торуси. Вдалеке высились белокаменные городские стены. Под мелким дождиком уныло мокли позолоченные купола Первостепенного храма – огромного уродца, возведенного на месте городских ворот, со сквозным входом-выходом. Все лики святых угодников в нем как один напоминали лошадиную физиономию фанатичного и богобоязненного Петра XII, отца Распрекрасного. В храм поместили мощи Святого Потапа – основателя города, и у стражей появилась богоугодная причина, чтобы сдирать «пожертвования» за въезд.

К городу тянулся бесконечный поток карет, повозок и пеших. Рядом с нами по размытой дождем обочине, давно превратившейся в грязное месиво, проковыляло семейство погорельцев со всем оставшимся скарбом и целым

выводком малых детей. Молнией пролетела легкая двуколка, разбрызгивая грязь, лишь в воздухе развевалась ярко-синяя лента озорной наездницы.

Налетел холодный ветер, тонкие деревца у дороги нагнули желтые макушки, по большим лужам пробежала рябь. Моя длинная коса словно змея обернулась вокруг тела.

Я оглянулась назад, посмотрела на уходящий до самого горизонта путь. Вдалеке виднелся подмытый постоянными дождями указатель – там был поворот на Салатопку. Я как сейчас представила себе узкую уродливую дорогу с глубокими колеями, заполненными до краев мутной темной водой.

– Ты куда собралась? – прохрипел Савков, увидав, что я поворачиваю к городу.

– В Торусь, – отозвалась я. – У меня там остались кое-какие делишки.

Достать Арсения, плюнуть ему в лощеную физиономию и по возможности забрать из Торусского банка свои деньги, накопленные за пять лет.

– Мы должны быть к вечеру в Салатопке, – крикнул Николай мне в спину, когда я уже ехала рядом с нагруженной картофелем подводой.

– Кто сказал? – Я, полная иронии, обернулась к нему. Синяки на лице колдуна стали практически фиолетовыми. Лошадка, почувствовав слабину, вильнула. Раздался скрежет и громкий крик:

– Куда прешь, убогая?!

Я резко развернулась, подвода уже накренилась, и мешки посыпались в грязь, завалив половину дороги. Моя лошадь шарахнулась в сторону, с визгом разбежались пешие. Кучер богатой кареты резко дернул вожжи, кони раздраженно заржали, а первый рысак попытался встать на дыбы. Какой-то старик замахнулся клюкой на мою совсем растерявшуюся кобылку, та дернулась в сторону, снова налетев на подводу.

– Черт! – разозлилась я, со всей силы натягивая поводья.

Вдалеке замелькали зеленые плащи стражей, привлеченных затором на дороге. Я резко развернулась:

– Поехали!

Торусь сутки подождет.

Мы спокойно, стараясь больше не привлекать внимания, последовали к повороту на Салатопку. Савков долго молчал, но все-таки хмыкнул:

– Ты похожа на глупую институтку.

– А я и есть глупая институтка, – огрызнулась я, – меня, так сказать, из естественной среды за шкирку выволокли.

Перед глазами проплыла картина. Высокая мамина фигура в красивом платье, ссутулившийся брат, монахиня с испуганным лицом, собирающая мои вещи в большой дорожный сундук. Только потом я узнала, что в этот день четвертовали отца за попытку переворота в стране. Бунтарь, елки-палки… Мог ли он представить, что станет с нами, если он погибнет? Брата отправили в монастырь, а мать вернулась в свой великосветский салон вздыхать о гибели мужа-героя!

Большие буквы на потрескавшемся указателе гласили: «До Салатопки 15 верст». Мы аккуратно съехали по крутому спуску. На разбухшей дороге по самые оси увязла телега. Вокруг нее охал бородатый мужичок, подгонял хлыстом ленивого мерина. Наши лошади неохотно шагали по распутице, высоко поднимая ноги, и, стоило зазеваться, старались свернуть на пропитавшееся водой поле. Посреди дороги чернела застрявшая и, очевидно, брошенная хозяевами карета, ее открытая дверца жалобно и одиноко скрипела на ветру.

От постоянно накрапывавшего дождика мой плащ окончательно промок, и я тряслась, как осенний лист.

– Эй, Носков! – позвала я обогнавшего меня Николая.

– Савков, – прохрипел он.

– Савков, скажи, какого рожна ты в музее оказался?

Мужчина молчал, но я заметила, как напряглась его спина.

– Тебе ведь не ваза нужна была, так? Что ты там искал? – Я понукнула лошадь и поравнялась с ним. Лицо Николая оставалось непроницаемым, маленькие темные глазки, не отрываясь, рассматривали грязную жижу под лошадиными копытами. – Неважно, – продолжала я монолог, даже не надеясь, что он слышит меня, – я завтра же уеду в Торусь.

Савков так резко повернулся ко мне, что от неожиданности я вздрогнула.

– Ты не поняла, что сказал тот человек? Мы должны встретиться в Салатопке с проводником, иначе нам конец.

– Хорошо, вот и встречайся на здоровье, раз так вдохновился поиском не существующих в природе объектов, – стараясь не улыбаться слишком широко и рассматривая серую дорожную даль, кивнула я.

– Замок Мальи существует, – вдруг просипел он проникновенно.

Я расплылась в издевательской улыбке:

– Да что ты?

Савков замолчал, продолжая хмуриться.

Совершенно точно, он что-то знал! В голове уже сложилась веселенькая картинка, я могла дать руку на отсечение, что абсолютно точная. Меня подставили, осудили на смертную казнь и вынудили ехать в сказочный замок. Я сопротивлялась в душе, но прекрасно понимала, что выбор у меня небогатый. Либо попытаться сбежать и до поры до времени лечь на дно, либо поднапрячься и найти Ловец, но гарантии, что останусь живой, я что-то не слышала. Я решила бежать после встречи с проводником: при первом же удобном случае такого дать деру, что только и будут поминать, как меня звали.

Салатопка встретила нас усилившимся дождем и лужами, больше похожими на озера. Крупные холодные капли плюхались на разбухшую от воды и грязи землю, барабанили по черепичной крыше постоялого двора. Рядом с конюшнями, меся сапогами конский навоз, поспешно разгружали уголь мужики. Нам навстречу с крыльца спустился закутанный в плащ пацаненок лет двенадцати, в огромных не по размеру сапогах, скорее всего отцовских, и забрал лошадей.

Большая комната с расставленными по стенам длинными лавками пахла щами и печным теплом. Пол был застелен домоткаными половиками. В окна еще попадал серый вечерний свет, но сгорбленный старичок в потрепанной тужурке уже суетливо прилеплял к подоконникам дешевые свечи.

– Любезный, – проскрежетал Савков. Старичок ничего не ответил, только бросил презрительный взгляд на грязные лужи, натекшие с нашей одежды. Тут в комнату вплыла дама, завернутая в заляпанный фартук, и приветливо кивнула.

– Нам комнату нужно, – быстро пробормотала я, – и поесть.

Запах щей дразнил. От голода у меня сводило желудок, и я громко сглатывала набегающую слюну. Женщина согласно кивнула:

– Два золотых, а комната только общая.

Мы с Савковым переглянулись. Таких денег у нас не было, да и делиться имеющимися грошами никак не хотелось.

– Ну-ка, институтка, – он подтолкнул меня в трапезную, – дай мы поговорим.

Через медленно закрывающуюся дверь я увидела, как он снимает плащ и закатывает рукава.

Что он собирается делать? Он колдовать вздумал, ведьмак нечесаный?!

Я поспешно высунула голову, хозяйка уже низко кланялась моему новому знакомому и смотрела с таким подобострастием, словно перед ней стояла особа королевских кровей. Я изумленно следила за этой сценой.

Может, он правда из тех, в смысле Распрекрасных? Я внимательнее присмотрелась к хмурому, обветренному лицу с носом картофелиной и живописными синяками. Нет, он точно не из этих, в смысле тех. Может, энергетическим шаром напугал? Я глубоко вдохнула, стараясь почувствовать колдовство, но кроме аромата щей, от которого поплыло перед глазами, ничего не различила. Как же все странно…

Я быстро прикрыла дверь. Через мгновение в заполненную народом трапезную вошел Савков. Следом вбежала хозяйка и торопливо прошмыгнула в кухню, откуда вернулась с дымящимся, пышущим жаром чугунком.

Поверьте, это были самые вкусные щи на свете: жирные, со свиной мозговой косточкой. Я со смаком ее обсасывала, не обращая внимания на презрительное фырканье худосочной особы в черном платье, сидевшей напротив меня и двумя пальчиками складывавшей на льняную салфетку рыбные косточки. Савков прихлебывал жирную юшку, не забывая закладывать в рот куски свежего хлеба. Я сладко потянулась, от ощущения сытости немножко кружилась голова.

– Слушай, Коленька, – я облокотилась на стол и зевнула, – ты скажи: отчего незнакомая баба нас кормит, поит и за ночлег ничего не просит?

Мужчина напрягся, ложка застыла рядом с блестящими от жира губами. Он поднял на меня маленькие черные глазки и буркнул:

– Я сказал, что утром приедет человек и мы расплатимся.

Я высоко подняла брови и фыркнула:

– Не верю. Попробуй еще что-нибудь соврать.

Худосочная девица замерла, прислушиваясь к нашему разговору. Мне даже показалось, что она несколько подвинулась к Николаю, чтобы не пропустить ни одного слова.

– Ты должна научиться доверять мне, институтка. Иначе нам худо придется в дороге до замка.

– Доверять? – нагло оскалилась я. – Я недавно жесткий урок получила, Носков.

– Савков.

– Наплевать, – лениво махнула я рукой. – Я теперь только себе доверяю, а твоя побитая физиономия мне кажется подозрительной. У тебя слишком много тайн, ты должен научиться быть открытым передо мной. – Я хлопнула ресницами в сторону девицы, та сконфузилась и уставилась в свою тарелку.

– Ты тоже не божий одуванчик, – хмыкнул он. – Половину музеев Окии обчистила, одна икона святого угодника Протопея чего стоила.

– Мне она стоила как раз мало, – хмыкнула я, удивляясь его осведомленности.

Про пропавшую икону ходили целые легенды. Не поверите, но мне ее заказал священник крохотного прихода почти заброшенного села Морозинки. Лик находился в домовой церкви Распрекрасного, охранялся целым отрядом стражей и злющим псом. До сих пор шрамы от его острых клыков на лодыжке красуются, а в ушах хриплый лай стоит. В общем, я едва ноги унесла, правда, вместе с иконой в заплечной сумке. Заплатили за это сущие копейки, даже дорожных расходов не покрыло. Зато сколько же я получила удовольствия, читая забавные статейки в газетных листках. Все королевство решило, мол, случилось чудо – иконка, вывезенная несколько лет назад из глубинки в столицу, внезапно на прежнем месте появилась. Священник, отец Авдотий, такую слезную небылицу рассказывал, что заслушаешься. Как будто пришел к нему ночью этот самый святой Протопей и молвил: «Место мое здесь, в храме Господнем!», а утром лик на стене висел. «Чудо!» – кричали вокруг и верили. Знали бы они, сколько это «чудо» весит и сколько я потратила сил, чтобы переправить его через Оку.

– Ладно, Носков, – хмыкнула я, от сытости захотелось быть милой и щедрой.

– Савков.

– Ладно, Носков, предлагаю перемирие.

Тот хмыкнул и протянул руку, я быстро пожала ее, а потом, не стесняясь, обтерла свою ладонь о рубаху. Но когда раскрасневшаяся хозяйка поставила

перед ним тарелку гречневой каши с кусочком тающего сливочного масла на верхушке горки, то все мои теплые чувства моментально испарились, осталась одна зависть. Савков, между тем, запустил в кашу большую деревянную ложку и принялся жевать.

Ночь в общей комнате на соломенном тюфяке окончательно настроила меня против новоявленного приятеля, который в это время отсыпался в отдельной спальне на хозяйской половине дома.

Черт возьми, кто же такой этот Носков, вернее Савков?!

Глава 2

Наш проводник появился ранним утром. Он в нерешительности топтался на пороге трапезной, сжимая в руках огромную черную шляпу с белыми перьями – высокий худой юноша в длинном плаще с бархатной подкладкой. Его невообразимая старомодная сабля царапала не слишком чистые полы, высокие сапоги с позолоченными, но несколько потускневшими шпорами доставали почти до колен. Весь облик новоявленного знакомого буквально дышал юностью, свежестью и наивностью.

– Спорим, это он, – я ткнула ложкой в сторону двери.

Савков неохотно обернулся и что-то нечленораздельно промычал, а потом снова накинулся на кашу. Парень заметил меня и радостно улыбнулся, будто встретил старинную приятельницу. Звеня шпорами, он пересек комнату. Жующий народ, как заколдованный, поворачивал к нему головы, мгновенно умолкая.

– Я Лулу Копытин, – выдохнул он сладким голосом, совсем непохожим на мужской.

– Ты наш проводник? – деловито поинтересовалась я, облизывая ложку. Парень неуверенно кивнул, длинные золотые волосы рассыпались по плечам. – За комнату заплатишь?

Утро пахло свежестью и непередаваемым ароматом октября, какой бывает перед самым началом настоящей осени. За ночь дороги подсохли, но в глубоких колеях плескались лужи с разноцветными островками листьев. Изредка из-за темных дождевых облаков выглядывало солнце, тогда становилось тепло и как-то особенно грустно. Если честно, я ненавидела осень. Когда лето уходило, я впадала в оглушающую меланхолию и особенно остро ощущала собственное одиночество. Я даже бросала читать в газетных листах траурные сообщения, ну знаете, такие крошечные заметки в черных рамках. Не посчитайте меня умалишенной (хотя спорить не буду, в каждом гении есть капля сумасшествия), просто, когда читаешь о чужой смерти, чувствуешь себя особенно молодой и пышущей здоровьем.

Не торопясь, мы следовали к переправе через Оку. Река разделяла Окское королевство на две части, находящиеся в самых горячих вражеских отношениях, Приокию и Заокию. Открыто о соперничестве не говорилось, но им дышало все: каждая заметка в газетных листках, каждое действие государственных пределов. Даже родственники, расселившиеся по разные стороны Оки, рано или поздно начинали презирать друг друга. До сих пор помню, как в гостиной папа хватал за жидкие вихры своего заокского кузена, когда тот пытался доказать, будто неназванная столица Заокии Вьюжный лучше Торуси.

А как уж стражьи пределы не любили друг друга – ни в сказке сказать, ни пером описать!

Недавно известный философ Лаврентий Тульянский испытал все прелести их яростного противостояния на собственной шкуре. На заокской стороне по приказу Распрекрасного ему выделили охрану, но когда приокские стражи увидали в свите Лаврентия собственных оппонентов в зеленых плащах, то отказались пропустить делегацию на свой берег и два дня мурыжили на переправе досмотрами и проверками. В результате автор гениального труда «Тонкие магические материи», дрожа от страха, перебирался через реку под покровом ночи в лодке контрабандистов. После разразившегося скандала и посрамления королевского гостеприимства главы пределов обоих берегов в унисон орали, что, мол, во всем случившемся виновато злое провидение.

– Как мы переберемся через Оку? – В мой измученный бессонной ночью мозг вонзился простуженный бас Николая.

Я моментально насторожилась. Что может быть проще? В нашем распоряжении семь мостов по всей границе Приокии, замечательные переправы с кордонами по обеим сторонам реки, которые тщательно и дотошно проверяют документы и обыскивают сумки. Опять же посмотрим на ситуацию иначе: у нас с Носковым, простите, Савковым нет сумок, впрочем, документов тоже нет!

– У меня есть грамоты для вас, – Лулу постучал по седельной сумке, потом вдруг смутился и покраснел, – для нее, – он кивнул в мою сторону. – Наташу будут звать Софья Волжская, а ты… А на тебя грамоты нет. Про тебя мне ничего не говорили.

Документы? Это хорошо, документы мне очень пригодятся, когда я скроюсь.

– Лу, а грамот на перевозку особо опасных преступников тебе не дали? – хмыкнула я.

Проводник покраснел, а Савков гаркнул:

– Не обращай на нее внимания, Москвина пытается поразить мир цинизмом прожженной мамзели, но пока демонстрирует только собственную глупость!

Я вспыхнула от ярости:

– Наверное, ты очень умный, Носков?

– Савков, – прошипел он.

– Что же ты, Коленька, не смог избежать смертного приговора? Отчего сейчас направляешься вместе со мной в несуществующий замок?! А?

– Москвина, на твоем бы месте…

– Тебе повезло, что ты не на моем месте! Не понимаю, для чего я тебя вызволяла из петли?! Похоже, это было временным помешательством!

– Замок существует, – вмешался в ссору новый знакомый. – Так говорят старинные рукописи! Каждое утро с восходом солнца он является в наш мир, но

показывается только ясноокому.

Мы с Савковым замолчали и резко повернулись к Лулу.

– Ясноокому? – пробормотала я, смутившись. В горле моментально пересохло, а на душе стало особенно противно. Значит, я попала в эту переделку из-за своего дара видеть магию. О своих способностях я резонно помалкивала. Люди не любят тех, кто может больше них. Маги – тех, кто не умеет того, что они. Яснооких мало, мы не приносим вреда, но нас боятся как прокаженных!

– Так ты, Наташа, недоделка? – оскалился Николай.

– Знаешь, Носков…

– Савков!!!

– Савков… наплевать на твои слова! Благодари не Бога, а меня, что я уговорила того сумасшедшего спасти и твою жалкую жизнь! Иначе бы висела твоя тушка где-нибудь напротив городской стены!

Я отвернулась, рассматривая черное поле, пахнущее влажной землей. Одинокая желтая березка, растущая на не тронутом плугом островке, красовалась как раз посредине пахоты.

– По легенде, замок спрятан на Гиблых болотах рядом с границей, – между тем продолжал Лу. – Ясноокий должен развернуться к востоку, и когда первые лучи солнца осветят замковые стены, – лицо его приняло необычайно мечтательное выражение, – он войдет в замок через скрытую дверь, а ведьмы Мальи отдадут ему заклинание. И тогда появится Избранник Хранителей.

Повезло ребятам, что говорить, будут искать былинный замок на тридцати верстах непроходимых топей. Флаг им в руки и перо в з… в шляпу, а я в это время уже пересеку границу с Серпуховичами.

– Что твои Хранители охраняют? – нарочито небрежно хмыкнула я. На самом деле вопрос меня интересовал необычайно. Страж назвал Хранителем того сумасшедшего, схватившегося за мой рукав. Цепкий малый, ничего не скажешь,

клок из рубахи выдрал. Помнится, он что-то кричал про дракона в подвале у Распрекрасного.

– Они Хранители драконов! – На юном безусом лице Лу нарисовалась горделивая торжественность.

– Драконы, значит. – Я сглотнула зарождающийся хохот. Похоже, наш проводник либо тоже чокнулся, либо просто слишком впечатлился старинными россказнями.

– Драконы! – подтвердил парень, кивнув, отчего на широкополой шляпе, словно крылья, плавно качнулись белые перья. – «Высшие существа, сошедшие на землю, чтобы править родом людским», – процитировал он Новейший Завет.

– Ты их видел когда-нибудь? – Я стала рассматривать темную нечесаную гриву своей лошадки.

– Нет, что ты, – вздохнул Лу печально, – они показываются не каждому, а лишь избранным!

– А я видела твоих драконов. – Копытин посмотрел на меня почти с восхищением. – В Королевском Музее как раз стоит один, – после секундной паузы добавила я, – за его пыльным скелетом такая дверца…

От возмущения на щеках Лулу проступили красные пятна.

– Хватит, Москвина! – рявкнул обозлившийся Савков. – Убери уже свое жало!

В нашей компании воцарилось напряженное молчание.

Хранители драконов. Чушь какая! Мне еще в институтскую бытность вдалбливали, что последнюю крылатую тварь уничтожил некий рыцарь Артур Домской, чем прославил и себя, и свой род на много поколений вперед. Помнится, пять лет назад на въезде во Вьюжный даже памятник ему поставили: медного рыцаря на огромном коне, поражающего мечом дракона, больше похожего на змею с внушительными клыками.

Хранители. Будь они неладны!

Меня интересовало другое: кому нужен старинный артефакт, превращающий любого человека в Хранителя? Если, конечно, предположить, что драконы действительно все еще существуют, то на кой черт кому-то понадобилось ими управлять? Эти твари только и занимались тем, что сжигали деревни да воровали скот. Оттого их и перебили всех.

Я обреченно вздохнула. В любом случае, люди, которые возжелали, чтобы Ловец стал их собственностью, обладают немалой властью, если смогли провернуть аферу с моим смертным приговором. Чует мое сердце – Арсений только вершина высокой пирамиды.

К вечеру мы добрались до переправы и, стоя на пригорке, смотрели на то, как путники, выезжая с Торусского тракта на застеленную деревом набережную, выстраивались в длинную очередь. На большом каменном мосту застряли три купеческие подводы, прикрытые темными кожухами. У пропускных пунктов по обеим сторонам Оки образовались заторы. Люди, ожидающие досмотра, волновались, до нас доносился возбужденный гомон. Все подъезжающие повозки притормаживали на съезде к реке, возницы с удивлением рассматривали небывалое столпотворение. По темной воде медленно проплывали торговые лодки. Причал закрыли из-за небывалой толчеи, и судам приходилось преодолевать еще шесть верст вниз по течению, чтобы разгрузиться. Недалеко от пропускного пункта образовался небольшой стихийный рыночек. Ушлые торговцы с самого утра разложили лотки. Уставшие от ожидания путники убивали время, разглядывая товары. Рядом вертелись бойкие старухи, продающие вязаные портянки и шерстяные носки. Бабки стучались в окна карет, что побогаче, и совали свои нехитрые товары в лицо незадачливым путешественникам, имевшим неосторожность выглянуть наружу.

Мы спустились к реке. Прогнившие доски набережной хлюпали под копытами лошадей, из темных щелок выпрыскивались крохотные фонтанчики грязной воды. Пахло сыростью, рыбой и жасминовыми заклинаниями розыска контрабандного вина и опиума. Мы встали в конце длинной вереницы из телег и повозок. На мосту вокруг купеческих подвод кружил страж с толстой амбарной книгой под мышкой и зеленоватым святящимся амулетом от сглаза на шее. За дородным досмотрщиком семенил худенький служка, бледный с лица и трясущийся всем телом. Он что-то страстно объяснял стражу, пытавшемуся заглянуть под кожух одной из повозок. Служка хватал его за руку, стараясь

помешать, но досмотрщик, изловчившись, вытащил-таки из подводы отрез небесно-голубого бейджанского сукна и стал трясти им перед лицом побледневшего парнишки. Из позолоченной кареты, стоявшей в самом конце арестованного каравана, выскочил бородатый купец в ярком парчовом камзоле. Он взволнованно всплеснул руками, так что в воздух взметнулись длинные, почти до земли, рукава с прорезями, и заорал трубным голосом. До нас донеслись лишь обрывки крепкого мата.

– Это до самой ночи, – тяжело вздохнул Лу.

– А мы никуда не торопимся. – Я широко зевнула в кулак и покосилась в сторону рынка, непроизвольно выделяя из толпы богато одетых господ.

Один такой – в высокой собольей шапке и с красной от жары физиономией, истекающей струйками пота, – с пеной у рта торговался с бабкой, пытаясь сбить цену на вязаные узорчатым рисунком портянки. Бархатный кошель небрежно болтался на поясе, постукивая при каждом движении о толстую ногу, обтянутую полосатыми портами. Я как заколдованная пялилась на господина, а руки буквально тянулись к его бархатному кошелю. Не отрывая взгляда от жертвы, я спешилась:

– Носков, я сейчас вернусь.

– Савков!!!

– Ага.

– Ты куда собралась? – хрипло отозвался он.

Я глянула в его обветренное, темное от щетины лицо и рявкнула:

– Подержи лошадь, знакомого увидела.

Обернувшись, я поняла, что кошель, вернее, мужчина уже исчез в толпе. Раздраженно прицокнув языком, я направилась к рынку.

– Куда это она? – услышала я удивленный вопрос Лу, растворившийся в рыночном гвалте.

Над головами, покрытыми все больше дешевыми картузами, мелькнула высокая соболья шапка, потом через спины толкущихся я увидела яркий кафтан. Кошель так и болтался, едва привязанный и готовый упасть в грязное месиво. Расталкивая окружающих локтями, я целенаправленно двигалась в сторону жертвы, делая вид, что поглощена созерцанием прилавка с копчеными окороками. Поравнявшись с мужчиной, я как будто случайно навалилась на него и испуганно отскочила. Он резко обернулся и басовито возмутился:

– Куда прешь, бродяжка?! Глаза открой!

Я опустила голову пониже, не каждому хватит сил вынести взгляд ясноокого. Сама того не желая, я различала истинную природу вещей и смотрела на окружающий мир пристально и тяжело. Обычно люди не выдерживали и отворачивались, лишь бы со мной взглядом не пересечься.

– Простите, милсдарь, – кланяясь, я стала пятиться назад, – простите, засмотрелась.

Кошель приятно оттягивал карман, монетки едва слышно позвякивали где-то в его глубине. Эх, не потеряла сноровки. Я состроила испуганное лицо и скрылась за спинами.

– Чего ты тут делаешь? – На плечо легла тяжелая рука. Я так испугалась, что подпрыгнула и резко обернулась, уткнувшись носом в широкую грудь Николая.

– А, это ты? Ну напугал.

– Что ты здесь делала?

– Да говорю же, знакомого увидела, оказалось – обозналась. – Я стряхнула его руку с плеча и стала рассматривать на прилавке тончайшую батистовую сорочку с изящной вышивкой по вороту. При Савкове доставать кошель не хотелось, поэтому я щупала ткань и мялась. В это время площадь, перебивая шум и гомон, накрыл истеричный мужской вопль:

– Батюшки, кошель сперли! Люди добрые, что это такое?! Тут стражей полный переезд, не побоялись ведь!

Николай метнул на меня грозный взгляд, моментально догадавшись, кто вор.

– Уходим, – одними губами скомандовала я и поспешила к набережной.

Народ таращился на визжащего купца. Его шикарная соболья шапка свалилась в грязь, обнажая прозрачные и легкие, словно перышки, патлы. Он резко нагнулся, схватил шапку, истекающую водой, снова что-то заорал.

– Ты с ума сошла? – Савков неожиданно больно вцепился в мою руку чуть повыше локтя и потащил куда-то в сторону от вереницы карет. Подозреваю, он собирался задать мне хорошую трепку. – Мы не должны привлекать к себе внимания! Чокнулась? После тыщи музеев опуститься до уровня наглой рыночной воровки!

– Ой, – я поморщилась вырываясь, – только не надо дешевой философии! Жрать захочешь и у родного брата кусок хлеба отнимешь!

– Интересная мысль, – проворчал он мне в ухо. – А главное – такая свежая. А как же «возлюби ближнего своего, как самого себя?» – процитировал он Писание.

Батюшки, как они мне надоели. То он, то этот Лулу, и все в Главную церковную книгу за афоризмами лезут.

– Скажи-ка мне, Носков…

– Савков!

– Ай бэг ё падон, – на чистейшем ангельском пропела я, чем удивила Николая до глубины души, – Савков, – утвердительно кивнула я, – ты фонтанируешь от всепоглощающей любви к ближнему? – Он хмуро разглядывал меня, на лице заходили желваки. – Что-то не слышу заветного слова, – хмыкнула я. – Только не говори, что не считаешь людей зверьем. Лично мне добра на этой земле перепало мало. Когда я поняла, что вокруг стая, то научилась царапаться, кусаться и выть по-волчьи. Я не люблю людей и не слишком от этого страдаю.

Я легонько толкнула засмотревшуюся на яркий сарафан длиннокосую девицу. Та резво обернулась, открыв рот от возмущения, наткнулась на мой холодный взгляд и поспешно отошла в сторону. Пожав плечами, я стала крутить головой, разыскивая на набережной Копытина. Тот как сквозь землю провалился.

– А куда делся наш придурковатый Лу? – поинтересовалась я, высматривая его между вереницей карет и праздно прогуливающихся путников.

Савков, видно, приготовился прочитать мне очередную отповедь, набрал в грудь побольше воздуха, чтобы высказать все нелестное обо мне, что накопилось за последние двое суток, но отчего-то промолчал. Глаза его округлились от удивления, он резко повернул в противоположную сторону и рванул, будто за ним гналась стая бешеных псов.

– Эй! – окликнула я его без особого энтузиазма, следя за развивающимся заляпанным плащом.

Тяжело вздохнув, я направилась следом. Тут-то я увидела Лулу, вернее, я увидела трех наших лошадок. Понуро опустив шеи, они пытались выдернуть тонкие пожелтевшие травинки, пробившиеся между досок набережной. Над головами людей мелькала широкополая шляпа Лу с колыхающимися перьями. Савков быстро растолкал собравшихся, любопытные зарокотали, заругались на наглеца, но колдун уже пролез в самый центр. До меня донесся его хриплый окрик:

– Мальчишка! Да вы с институткой из одного гнезда выпали!

Я хмыкнула про себя и поспешила к ним, с трудом протиснулась сквозь толпу и расплылась в задорной улыбке. Чумазый цыганенок с тяжелой золотой серьгой в ухе крутил и вертел крохотные деревянные стаканчики. Лу с горящими глазами и разинутой варежкой пытался, не моргая, следить за мельканием маленького медного шарика. Цыган улыбался широко и белозубо, ловко переставляя стаканчики и изредка кидая хитрые взгляды на раскрасневшегося Лу, длинная шпага которого уже лежала на досках рядом с бочкой.

– Кручу, верчу, найти шарик хочу! – бубнил под нос мальчишка, он остановился и подмигнул Копытину: – Выбирай!

– Здесь! – взвизгнул тот и ткнул трясущимся пальцем.

Я хмыкнула и прицокнула языком, Савков хмуро глянул на меня, уже не пытаясь вытащить Лу из лап мошенников.

– В правой руке! – крикнула я из-за спины Копытина. Толпа загудела так, что даже перекрыла рыночный шум.

На высоких скулах цыганенка появился багрянец, губы чуть дернулись. Он посмотрел на меня, но, не выдержав тяжелого пронизывающего взгляда, опустил голову и протянул правую руку. На ладони шарика не оказалось. Я пожала плечами, стараясь подавить хохот. Сама-то всю жизнь шарик в правую руку прятала, а мальчишка, видать, оказался левшой.

– Значит, в левой, – опечалилась я. – Ну что же, Лу, – я хлопнула растерянного Копытина по плечу, – придется тебе распрощаться со своей шпагой, ничего здесь не попишешь. Кстати, – почти интимно шепнула я, – ты, я надеюсь, наших лошадей не проиграл?

Я не выдержала и звонко рассмеялась ему в лицо, а заодно незаметно переложила сворованный кошель из своего кармана Савкову. Так оно надежнее будет, меня-то скорее всего на переезде ощупают, а Коленьку с его разбитым лицом трогать побоятся, да и к мужикам у нас уважительнее относятся. Я направилась к набережной, толпа расступилась, продолжая рокотливо обсуждать произошедшее. Савков с Копытиным догнали меня через несколько минут, когда, переругиваясь с возницами, я намеревалась влезть без очереди к досмотру. Лулу тащил по грязи свою шпагу и выглядел чрезвычайно расстроенным и сконфуженным.

– Чего, Лу, – хохотнула я, – получил на орехи?

– Молчала бы! – хмуро отозвался Савков.

Я пожала плечами и отвернулась.

– Вон она! – вдруг раздался знакомый истеричный вопль. – Она с глазом дурным! Она утащила кошель!

Прежде чем обернуться к стражу и обворованному купцу, размахивающему своей изгвазданной шапкой, я заметила ироничный взгляд Савкова. Мне пришлось спешиться и под шепоток заинтересованной публики вывернуть все карманы и показать пустые седельные сумки.

– Она это, она! – визжал обворованный, тыча в меня толстым пальцем.

– Проезжайте! – прикрикнул страж, уже уставший от кричащего ему в ухо мужчины. – Видите, милсдарь, да у девицы нет ничего! Езжай уже! – цыкнул он на меня.

Я недолго думая направилась на мост через ряд уставших, а оттого особенно разозленных охранников. Между тем досмотрщик, выжавший за проезд из купца отрез дорогого шелка, довольный прошел рядом, насвистывая себе в усы.

– Куда ты кошель дела? – буркнул Савков, когда мы уже сошли на другой стороне реки, а длинный бесконечный затор наконец-то стал рассасываться.

– Какой кошель? – вроде удивилась я, с наслаждением наблюдая, как меняется выражение лица Николая, полезшего в карман. Он медленно и очень осторожно, словно зажимал между пальцами хвост дохлой крысы, выудил за длинный золотистый шнурок кошель и скривился, как от вони.

– Ох ты, Носков, – я притворно всплеснула руками, – мне мораль читал, а сам, гляди-ка, кошелечек из моего кармана и вытащил! Знаешь, я начинаю тебя уважать, – после паузы добавила я, разглядывая темнеющую на горизонте полоску леса.

Лу недоуменно уставился на кошель, а потом тоже залез в карман и, краснея, тихо прошептал:

– Я тут тоже, того… своровал… четыре картофелины.

От моего дикого хохота с желто-красного куста вспорхнула стайка вспугнутых воробьев.

* * *

На ночлег мы остановились в небольшом облезлом лесу рядом с трактом на Вьюжный. В густой темноте как крохотные светлячки мерцали костры. Торговые обозы, охраняемые целыми отрядами стражей, разбивали свои лагеря поближе к дороге, и к ним подтягивались одинокие путники, которые страшились лютующих в этих местах разбойников.

Жиденькое пламя нашего костерка неохотно съедало мокрые сучья, больше заполняя воздух удушливым дымом, нежели теплом. Я подкидывала в костер листья, они быстро съеживались и превращались в невесомый пепел. Савков, не дождавшись, пока ветки прогорят в угли, бросил прямо в огонь четыре картофелины и теперь с хмурым видом тормошил их тонкой палочкой.

Я нетерпеливо ждала подходящего момента, чтобы стащить у Лу грамоту на имя Софьи Волжской и поскорее сбежать. Савков между тем вытащил из костра одну обугленную картофелину. На какую-то долю секунды грязная манжета его рубахи приподнялась, и я увидела зеленоватую, явно магическую татуировку: неестественно выгнувшегося дракона. Внутри что-то кольнуло, какое-то дурное предчувствие. Я видела такой рисунок, но где, не помнила. Словно почувствовав мой внимательный взгляд, Николай глянул на меня, а потом улыбнулся. Его хмурое обветренное лицо мгновенно преобразилось и ожило, будто на долю секунды упала застывшая маска балаганного Петрушки. Неслыханное дело!

Лу закутался в плащ, подложил под голову седельную сумку, в которой хранил грамоту, и старался заснуть, не обращая внимания на холод. Нелепая большая шляпа с белыми перьями лежала рядом на длинной шпаге. Надо будет прихватить с собой эту шпагу. Одинокой девушке бродить невооруженной по заокским лесам – настоящее самоубийство, а мой нож остался у стражей.

Жаль, он был совсем новенький, даже лезвие ни разу не подтачивали.

Когда Копытин совсем затих и перестал ворочаться, я неслышно подкралась к нему.

– Ты что делаешь? – прохрипел Савков. Я приложила палец к губам и осторожно приподняла голову Лу. – Какого черта ты творишь, Москвина? – не унимался Николай.

Я аккуратно вытащила седельную сумку и подложила под щеку мальчишке сложенную рубаху. Лу не проснулся, почмокал губами и повернулся на другой бок.

– Что ты задумала?

– Тихо, Носков! – цыкнула я, расшнуровывая сумку.

– Савков!!! – рыкнул тот.

Я хмыкнула и запустила руку в темное нутро. Грамота нашлась сразу, здесь же была смена белья и нечто тяжелое, завернутое в холщовую тряпочку, на поверку оказавшееся вполне приличным, хотя и поцарапанным, золотым браслетом. Кошель прятался на самом дне. Я быстро пересчитала содержимое: двадцать золотых монет и горстка медяков. Николай хмуро следил за моими действиями, но когда я стала отвязывать свою лошадку, то не выдержал:

– Ты куда собралась, подруга? – Он подошел ко мне и схватился за уздечку, не давая забраться на лошадь.

– Я собралась в Серпуховичи и очень надеюсь добраться до них уже через пару недель. – Я попыталась вырвать из его рук узду. – Я не хочу рисковать своей жизнью, таскаясь по Гнилым болотам в поисках несуществующего замка.

– Ты останешься! – прохрипел он.

– Останови меня! – прошипела я ему в лицо и со всей силы оттолкнула. Савков отступил на шаг, но повод не выпустил. – Ты что, не понимаешь: из этих болот единицы возвращались! – злилась я. – Это замечательная возможность уйти живыми! К тому времени, как этот молокосос проснется, мы будем далеко! Пока он выберется из заокских лесов и сможет отправить голубя с сообщением, мы почти доберемся до границы Заокии, а когда сообщение дойдет до нужных людей, нас уже поминай как звали!

– Мы должны… – попытался встрять в мой страстный монолог Николай.

– Лично я никому ничего не должна! – хмыкнула я. – И тебе того же желаю, Носков!

– Савков!!!

Мы уже были готовы наброситься друг на друга с кулаками, когда на другом краю поляны раздался окрик:

– Уголечков для костерка не дадите?

Мы с Николаем отпрянули друг от друга, как застигнутые врасплох целующиеся подростки. Николай обернулся и посмотрел на неизвестного, чья коренастая фигура в теплой душегрейке освещалась костром.

– Конечно! – Коля отошел от меня.

Я, не отрываясь, следила за незнакомым невысоким мужичишкой. Небритое лицо с недобрым взглядом вызывало чувство глухой тревоги. Под его сапогом резко хрустнула ветка, я вздрогнула и непроизвольно заметила у него на поясе дорогой меч. Сердце застонало от дурного предчувствия. Мужичок собрал в деревянную плошку угольки, глянул на меня из-под бровей и улыбнулся, вернее, подленько так ухмыльнулся.

Как будто не мне, а кому-то сзади!

Я мгновенно отскочила от лошади и неловко налетела на Савкова, едва не сбив того с ног. В этот момент рядом с моей спиной, рассекая воздух, полоснул наточенный меч.

– Берегись! – взвизгнула я Николаю на ухо.

Чья-то сильная рука дернула за длинную косу, и меня прижало к пахнущему потом чужому телу, а горло защекотало острое лезвие.

– Тихо, девочка! – ласково прорычали мне на ухо.

Я замерла и сглотнула, боясь дыхнуть. В это время из темноты выступили четыре фигуры, лезвия их мечей поблескивали в неярком свете костра. Николай, казалось, растерялся и почти безнадежно смотрел на длинную старомодную шпагу, валяющуюся на траве рядом с Лу. Между тем Копытин, разбуженный нашей возней, попытался поднять голову, и ему в лицо моментально уткнулось железное острие.

– Не рыпайся, куколик, а то личико попорчу! – приказал главарь. Лу сдавленно охнул и для чего-то поднял руки над головой. Сердце мое отбивало чечетку, как будто хотело вырваться из груди.

Николай хмуро разглядывал нападавших, и лишь я увидела, как в его руке зарождается легкое свечение энергетического шара. Потянуло слабым жасмином.

– Послушайте, – крикнула я, лезвие сильнее прижалось к горлу, – у нас ничего нет! – Кожу на шее стало жечь. Царапнул-таки, гад!

Я впервые попала в такое положение. Конечно, всем известно, что по пути во Вьюжный орудуют шайки разбойников, но чтобы вор ограбил вора?! Немыслимо! Банда, видать, совсем свеженькая, наспех сколоченная из обнищавших и разозленных на власть крестьян. Они еще не пресытились легкими богатствами. Когда разбойники перероют наши сумки и найдут лишь старый золотой браслет, то рассвирепеют и поубивают нас. Если не очень повезет, то перед смертью изуверы надругаются надо мной, а Савкова и Лу заставят смотреть.

– Мы смертники, – продолжил за меня Савков, – мы сбежали! Нас разыскивают по всему королевству!

Бандит, удерживающий меня, иронично и как-то интимно хмыкнул мне на ухо:

– Вы кого-нибудь взгрели, милая?

Главарь оскалился и выдал витиеватую матерную фразу с лаконичным переводом:

– Закрой рот! Димитрий, девчонку – за хвост и проверь, что в седельной сумке на лошади!

Я посмотрела на Лу, у того вытянулось лицо от страха и недоверия. Копытин-то понял, кто приладил его сумку к лошадиной спине, пока он сам спал.

Шар в сомкнутой ладони Николая разрастался, острые лучики вырывались из-под пальцев, освещая землю. Савков ждал удобного случая, чтобы метнуть разряд. Он бросил на меня быстрый взгляд, а потом покосился на костер. Я моргнула, соглашаясь, готовая в любой момент завалиться назад на бандита, чтобы спастись от магического жара. Главарь заметил наш молчаливый диалог:

– Что у тебя в руке? – кивнул на сомкнутую ладонь Савкова.

Он быстро подошел к Николаю и приставил к груди меч:

– Показывай!

Это было страшное зрелище. Савков медленно поднял руку и разжал пальцы. Лишь я и сам ведьмак увидели, как шар стального цвета на долю секунды удержался на ладони, а потом молнией ударил в лицо главаря. Под страшный полукрик-полувизг раненого я навалилась на мягкое тело прижимающего меня грабителя. Тот взмахнул руками и шлепнулся на спину, нож отлетел в траву. Я быстро отползла в сторону, и тут окрестности огласил душераздирающий вой. Воздух мгновенно наполнился удушающим дымом и гарью, тошнотворно запахло горящей плотью. Надо мной словно спичка вспыхнуло дерево. Рядом с лицом тлела черная трава. Я попыталась встать, но, услышав хриплый окрик Савкова:

– Лежи, дура! – я вжалась в землю.

Бандит Димитрий же откатился на аршин и поднялся на ноги. Снова пахнуло невыносимым жаром, и мужчину охватило огромное облако огня. Черный человеческий силуэт исчез в ярко-желтых языках пламени. Я завизжала от страха, в панике вскочила на ноги и попыталась бежать, от сладковато-приторного запаха мутило. Савков сбил меня с ног, прикрывая своим телом. Мы покатились по земле, а над нашими головами пронеслось новое огненное облако. Раздался протяжный хрип, и все стихло. Я слышала, как сильно бьется сердце Савкова, как тяжело он дышит мне в волосы. Как будто во сне

раздавались стоны покалеченных разбойников и гул пламени пожара.

– Слезь с меня, – прохрипела я, кашляя от едкого дыма в опаленную траву.

Николай откатился и сел:

– Копытин! – заорал он.

– Я здесь! – раздался откуда-то из-за дымовой завесы невыносимо нежный голосок Лулу.

Меня трясло так сильно, что даже зубы стучали. Дым начал рассеиваться, и я смогла осмотреться. Поляна походила на библейский ад, вокруг горели столетние деревья, пожухлая трава превратилась в черный обгоревший ковер. В воздухе, подобно снегопаду, опадая на землю равномерным серым слоем, летал пепел. Я подняла голову: высоко в небе, расцвеченном яркими всполохами пожара, мелькнула длинная вытянутая тень с огромными крыльями. Я судорожно сглотнула и быстро вытерла рукавом слезящиеся глаза, пытаясь понять: не привиделось ли мне.

Ошибки не может быть, мне не показалось! Я громко всхлипнула и беспомощно посмотрела в измазанное сажей лицо Савкова, он ухмыльнулся:

– Добро пожаловать в настоящее, Наталья Москвина!

Я снова посмотрела в небо и даже смогла разглядеть, как поблескивает зеленоватое тело. Еще пять минут назад я могла отдать руку на отсечение, что драконов на земле нет!

* * *

Я сделала жадный глоток ледяной воды, пытаясь смочить пересохшее горло. Длинные рукава мужской сорочки намокли в ручье, и холодные капли побежали от запястья до локтя. Наши лошади погибли в огне, оставшиеся в живых разбойники поспешно скрылись в лесу, мы сами едва унесли ноги от бушующего пожара.

Я обтерла лицо подолом рубахи. Поникший Лу, сидя на холодной земле, внимательно рассматривал оплавленный сапог и изредка тяжело вздыхал.

– Что будем делать? – Я глубоко вздохнула, пытаясь перебить стоящий в носу удушливый запах паленого мяса.

– Нужно найти лошадей. – Савков единственный казался совершенно спокойным. Он сложил руки на груди, на его плаще зияла внушительная дыра с опаленными краями.

– Что может быть проще? – хмыкнула я. – Найти лошадей. Мы можем их украсть или купить. Нам хватит золотых?

– Значит, украдем, – вдруг раздался невеселый голос Лу.

Я ошарашенно посмотрела в его сторону. Вид Копытин имел жалкий, прокопченный и очень усталый. С его лицом случилась какая-то незримая перемена. Как будто нечто, надежно спрятанное внутри, на мгновение выступило наружу.

– Лу, – я откашлялась, – скажи-ка мне, кто я и Савков?

Копытин недоуменно посмотрел на Колю, потом на меня:

– Кто?

– Мы смертники, нас пару суток назад повесили! Это понятно?! Мы не имеем права светиться и привлекать к себе внимания!

– Тогда пойдем пешком. – Николай пожал плечами и развернулся ко мне спиной.

Лу быстро поднялся на ноги и поспешил за ним. Я же стояла с открытым ртом и не могла поверить в то, что они говорят серьезно.

Лично у меня появилось другое соображение по поводу нашего дальнейшего путешествия. Почему бы Лу не проявить человеколюбие и не заявить, что мы с Николаем Евстегнеевичем Носковым, черт, Савковым погибли в колдовском

драконьем пламени? Я сплюнула, само сочетание «драконье пламя» оставляло оскомину и никак не хотело укладываться на языке в ровный ряд.

– Стойте! – крикнула я им. Они остановились и одновременно обернулись в мою сторону. – Послушайте, не пора ли прекратить этот балаган? Я не собираюсь больше рисковать собственной жизнью! Это вам ясно?! – Я откашлялась и сделала паузу, чтобы отдышаться. – У меня гениальная мысль: Лу скажет, что мы с тобой, Коленька, погибли в драконьем пламени, и мы свободны! Все! Никто нас не будет искать, никому мы не будем нужны! Мертвые не могут достать заклинание! Понимаете меня?!

Мужчины молча и хмуро следили за моим беснованием и, похоже, соглашаться не торопились.

– Мы идем в замок Мальи, – тихо произнес Савков и смачно сплюнул.

– Что?! – У меня полезли глаза на лоб. – Коля, да ты в первую очередь обязан согласиться с моим планом! Мы в опасности! Никто не говорил мне, когда вытаскивал шею из петли, что следующие сутки я буду спасать эту самую шею! Причем с переменным успехом! Я хочу, чтобы все закончилось!

– Все и так закончится, когда Ловец Душ будет нами выкраден, – спокойно пожал плечами Савков и зашагал по едва заметной проселочной дороге.

Я хлопала ресницами, плохо понимая, что же произошло. Он что, отказался?!

– Послушай, Носков…

– Савков!!!

– Савков, тебе просто нужен этот Ловец! – выкрикнула я каким-то чужим голосом. – Я видела твою чертову татуировку на руке! Ты жаждешь получить заклинание не меньше самого Копытина!

Коля остановился как вкопанный и медленно развернулся. На заросшем черной щетиной лице злобно поблескивали два маленьких темных глаза, складки у носа стали еще глубже, губы сжались в одну линию. Тут я поняла, что все мои слова –

правда. Все, буквально до последней буквы. Не буду врать, открытие меня не порадовало.

– Какую татуировку? – раздался испуганный голос Лу.

– Повтори, – процедил Савков.

– Ты все слышал! – Я усмехнулась уголками губ.

Он думает меня напугать? Меня?! Он забыл, с кем имеет дело!

– Покажи ее нам! – потребовала я.

Лу от волнения топтался в луже рядом с Николаем, разбрызгивая жидкую грязь и не замечая, как та оседает каплями на портах.

Николай, стараясь сдержать ничем не объяснимое торжество, стал неторопливо и спокойно закатывать рукава – слишком спокойно, слишком неторопливо. Поросшие черными волосками руки с синими прожилками вен были испещрены отвратительными незажившими рубцами от диметриловых наручников, и никакого изображения дракона на них не было.

Я с сомнением рассматривала сильные, все еще загорелые руки и не верила собственным глазам. Чертовщина какая-то! Рисунок был там, чуть повыше запястья! Если бы он попытался скрыть татуировку заклятиями, я бы сразу это почувствовала: магия – это цвет, запах, прямые линии, правильные окружности. Но рука оказалась чистой, татуировка словно испарилась сама собой.

Я молчала, чувствуя, как щеки заливает румянец.

– Ну? – хмыкнул Савков.

Похоже, я попалась! Так оконфузиться!

– Хорошо! Ты победил! – сдалась я и протянула руку.

Савков колебался, но потом все-таки пожал ее сильно, по-мужски. Ладонь у него оказалась загрубевшей, мозолистой, в таких руках только кирку держать, а не энергетические шары творить.

Мы тронулись в путь на поиски давно забытого, но, похоже, вполне реального замка Мальи.

К вечеру, уже затемно, мы добрались до большой деревни. Поистершийся от времени указатель, на котором дремала одинокая ворона, гласил: «Благостная Малиновка». Деревня выглядела плачевно, нас встречали заброшенные дома и покосившиеся заборы. На окне вросшей в землю избы на одной заржавелой петле скрипела чудом сохранившаяся ставенка. Сквозь пустые окна-глазницы виднелись темные внутренности комнатенки с облезлыми стенами. Дороги здесь были такие же, как и во всем королевстве – размытые дождями, развороченные повозками и лошадиными копытами. Изредка в домах виднелся скупой свет лучин, из-за заборов хрипло брехали шавки.

– Вы думаете, здесь есть постоялый двор? – Лу с сомнением огляделся вокруг. Его длинный, некогда дорогой плащ тащился по грязи, шпага все время стучала по дорожным камням, скрытым в грязных лужах.

Постоялый двор нашелся, вернее, это была таверна с двумя общими комнатами для постоя. Находилось сие заведение между облезлой церквушкой с высокой звонницей без колоколов и избой-читальней, закрытой еще в прошлую зиму. Судя по количеству народа, толпившегося у крыльца, таверна была единственным благостным местом в Благостной Малиновке. Под настороженные взгляды местных завсегдатаев мы зашли в пропитанное табачным дымом темное помещение. Зал оказался переполнен гудящим и что-то страстно обсуждающим народом. В центре стоял большой стол, на нем между плошек с квашеной капустой и глиняных стаканов топтался бородатый мужичишка в грязных сапогах с лихо загнутыми носами. Его с интересом слушали озабоченные крестьяне, запивая ругань дешевым кислым пивом. За этим же столом на колченогом табурете потирал подбородок относительно молодой, но уже несколько поистрепанный жизненными обстоятельствами господинишка с прилизанными сахарной водой вихрами. Он внимательно разглядывал полосатые порты бородатого оратора и хмурил брови. Народ, толпившийся на пороге, заприметив нас, немедленно расступился, так что мы втроем оказались в живом коридоре.

Оратор вдруг замолчал, хлопнул белесыми ресницами и, не сводя с нас заинтересованного взгляда, вытянул руку в призывном жесте бунтарских вождей:

– Они! – указал он пальцем на нас.

Я торопливо огляделась, от всей души надеясь, что бить нас не будут. Этих крестьян не разберешь, то целуют в обе щеки, то лопатой оходить норовят!

Прилизанный понял не сразу, что произошло. Но стоило ему увидеть наши удивленные рожи, как он вскочил и, широко расставив руки, бросился к нам:

– Хвала небесам! Вы приехали!

Похоже, гостеприимные хозяева нас с кем-то перепутали. Мужики загудели пуще прежнего, заулыбались, закашляли в кулаки. Прилизанный между тем жарко обнял Савкова, потряс руку Лу и нацелился на меня, пытаясь продемонстрировать свою сердечность.

– Мадам, – пропел он, обтирая рукавом губы.

– Мы. Тоже. Очень. Рады, – выдавила из себя я, пятясь к выходу.

– Ага. – Он кивнул и, схватив меня под руку, потащил к столу, откуда, кряхтя, слезал давешний оратор. – Я – Саволка, новый староста деревни.

– А старый где? – не удержалась я.

– Так съели его! – Мужик посмотрел на меня так, будто я спросила удивительную несуразицу. Действительно, мелочи какие – старосту сожрали, а я изумляюсь!

Нас едва ли не силой усадили за стол, хозяин таверны в заляпанном фартуке быстро смахнул грязь со столешницы и пододвинул к Савкову плошку с заветренной квашеной капустой. Как по взмаху волшебной палочки передо мной возникла крохотная треснувшая тарелочка с горкой черной икры. Демонстрация невиданного крестьянского гостеприимства на том закончилась.

– Так кто же старосту сожрал? – Николай деловито вонзил двузубую вилку в гору капусты.

– Как хххто? – крякнул новый староста и махнул головой, отчего по его блестящим сахарным волосам пробежали красивые блики. – Он! – и ткнул пальцем в закопченный потолок.

Я не хотела, но все равно подняла голову полюбоваться черными разводами на посеревшей побелке.

– Так откуда Он появился? – Савков без зазрения совести хрустел капустой.

Лу между тем подхватил вилкой моченое яблочко, попытался разломить его, умылся брызгами кислого рассола, попавшего в глаз, и обиженно плюхнул угощение в тарелку. Я взяла ложечку и отправила в рот слипшийся сгусток черных шариков, нестерпимо воняющих рыбой.

– Как откуда? Из барского склепа, конечно!

Я подавилась икоркой, закашляла, отплевываясь.

– Он – кто?! – выдавила я между приступами кашля.

– Упырь, знамо дело!

Я моментально замолкла, кашель застрял в глотке.

В таверне пробежал легкий шепоток, словно Саволка только что произнес запрещенное слово.

«Нет, ей-богу, ну на черта мы полезли в эту деревню?» – с тоской подумала я, рассматривая лицо соседа напротив, пересеченное от середины лба до подбородка отвратительным шрамом.

– Хорошо, поймаем, – кивнул Савков, – но мы хотим ужин и чистую рубаху.

Мужики снова затихли, не смекнув, о чем толкует заезжий герой.

– А еще сон до полуночи! – нашелся Лу.

– До полуночи? – протянул мне в лицо Саволка, от него пахло луком и капустным перегаром.

– Конечно, – поспешно затараторил Копытин, – всем известно, что упырей ловят в полночь.

– Не мельтеши, Лу. – Я бросила на него предупреждающий взгляд и обратилась к Савкову: – Я что-то не понимаю – вы двое решили ночью ловить упырей? – Я сложила руки на груди и посмотрела в непроницаемое лицо Николая.

– К-к-конечно, – неестественно хохотнул Лулу, заметив злобный прищур лица со шрамом, – а зачем же мы тогда сюда приехали?

«Переночевать и найти оказию, чтобы добраться до Вьюжного!» – хотелось заметить мне, но я лишь пожала плечами и положила в рот маленькую горсточку отвратительно соленой икры. Крохотные черные бусинки лопались на языке, заполняя рот тягучей слюной. «Кто ж придумал жрать эту гадость?»

– Хорошо, – кивнула я, улыбнувшись, – господа, поговорим о вознаграждении. Наша цена – тридцать золотых, или проваливайте со своим упырем к дьяволу!

* * *

Тишина буквально оглушала. Лес казался странным и пустынным, будто все его жители в одночасье заснули. По пожухлой траве тянулся молочный туман. Я задрала голову, через кроны столетних сосен нависало серое тусклое небо. Откуда-то сверху лился тихий неразборчивый шепот, словно окутывающий лес от макушек деревьев до самой земли. Я продвигалась в тумане, стараясь ступать как можно тише, боясь, что кто-то услышит меня. Внезапно деревья закончились, я оказалась на залитой зеленым колдовским светом поляне и застыла от ужаса, глядя на дракона. Он расправил свои крылья, потянулся как кошка и посмотрел на меня большими змеиными глазами. Вот его пасть открылась, обнажая острые длинные клыки, а из черной глотки вырвался столб

пламени…

– Наташ, просыпайся!

Я дернулась и, тяжело дыша, села на кровати, рубашка прилипла к телу, в горле першило. Меня все еще трясло от пережитого во сне ужаса. Лу сладко спал рядом, буквально зарывшись длинноволосой головой в подушку, перетянув на себя все одеяло.

– Наташ, – снова донесся до меня из темноты голос Савкова, – пора!

– Куда? – прошептала я осипшим голосом. Перед глазами плыло пламя, голова отказывалась соображать.

– Упыря деревенского ловить.

Савков сидел на широкой лавке и заворачивал ноги в портянки. Я упала обратно на подушку, а потом зло отодвинула Копытина к стенке, тот что-то пробурчал во сне, но даже и не думал открывать глаза.

– Я не собираюсь никого ловить, – рыкнула я, заворачиваясь в одеяло. – Это вы с Лулу герои, а я не хочу рисковать собственной шеей. Лу, вставай геройствовать! – Я зло пихнула его в бок, впрочем, безрезультатно.

Холеный Копытин, утомившись после бессонной ночи, просыпаться и отягощать себя изловом местной нечисти не пожелал.

– Москвина…

Я следила, как Николай вытряхивает из сапога камушки и с трудом просовывает ногу в голенище.

– Копытин нам не помощник, он обычный милый мальчик, начитавшийся в детстве книжек про драконов.

– И что? – не выдержала я.

– В отличие от Лулу ты прекрасно чувствуешь магию! К тому же крестьяне хотят зрелищного фейерверка, вот и взорвем на кладбище пару памятников, схватим деньги и свалим, пока они не поняли, что упырь жив, – не унимался Савков.

– Вот и взрывай себе на здоровье, если оно у тебя такое крепкое, и Лу прихвати с собой! – хмыкнула я и демонстративно отвернулась к стене, прижавшись к горячему боку Копытина.

– Наташ!

– Нет! – отрезала я, полежала еще секунду и начала подниматься. – Ей-богу, я не понимаю, для чего это делаю! – проворчала я.

На дворе нас ждал Саволка с тремя мужиками, вооруженными вилами. Одетые в темные душегрейки, они терялись в чернильной темноте неосвещенной улицы.

– Готовы? – шепотом спросил староста. Весь вечер до самой полуночи он молился перед образами, стараясь побороть в себе суеверный страх перед упырем и не ударить лицом в грязь. Впрочем, один раз за сегодняшнюю ночь уже ударил: с размаху завалился с крыльца в самую лужу, пролетев через три высокие ступеньки.

– Готовы, готовы, – пробурчала я, направляясь к воротам. После жарко натопленной избы ночной холод пробирал до самых костей, не спасал даже теплый кафтан, ссуженный Саволкиной супругой.

Такой прыти, а главное смелости от девчонки не ожидал никто из присутствующих мужчин. Они в нерешительности топтались во дворе, разбивая грязь, и смотрели на мою исчезающую в темноте спину.

– Ну вы идете?! – крикнула я. Мой вопль где-то на краю деревни подхватили шавки, огласив округу хриплым лаем.

Черт бы побрал этих доморощенных деревенских героев, на словах – все богатыри, а на деле – в нужнике садовом прячутся!

Кладбище, не огороженное забором, начиналось сразу за деревней. Дорога с размытыми колеями вильнула вправо, а перед нами выросла маленькая полуразрушенная часовенка, дальше едва виднелись высокие деревянные кресты и осевшие могильные холмики.

– Ну мы вас здесь подождем, – сглотнул староста, – как голову его принесете, так деньги и получите.

– А зачем голову-то? – удивилась я, кутаясь в кафтан и пытаясь рассмотреть за крестами подобие зеленого магического свечения, исходящего от нежити.

– Так ему ж надо голову отрубить, чтобы он снова не встал, – испуганно озираясь вокруг и посильнее прижимая к себе вилы, прошептал один из мужичков.

– Ну вам лучше знать, – протянула я, широко зевая, и направилась к кладбищу.

– Во девка-то дает! – услышала я за спиной восхищенный шепот Саволки.

– Красуешься? – хмыкнул догнавший меня Савков.

– Угу. Начинай памятники взрывать, герой снов девичьих, – буркнула я и провалилась почти по колено в глубокую лужу.

– Ну чего, воняет магией? – полюбопытствовал Николай, когда мы с трудом вылезали из жидкой грязи. Вокруг ютились налепленные друг на друга могилки с покосившимися крестами и кривыми деревянными оградками.

– Энтузиазмом твоим воняет! – зло ругнулась я, стараясь справиться с накатывающим раздражением. – Как ты этим олухам голову упыря доставать собираешься?.. О!

Из-за дальней могилы вспыхнуло слабое зеленоватое зарево, а ветер плеснул в лицо едва различимый аромат жасмина. Я резко остановилась и посмотрела на свечение. Сердце екнуло, и вдруг стало страшно, так же страшно, как когда видишь отряд вооруженных стражей, намеревающихся тебя схватить.

– Он там! – Я ткнула пальцем в темноту. Руки тряслись.

– Уверена? – насторожился Савков, по-гусиному вытягивая шею и силясь рассмотреть через темноту зеленоватые очертания упыря.

Я кивнула, не в силах произнести ни слова.

– Ладно, сиди здесь, пойду посмотрю.

Спорить я не стала, поспешно схватилась за оградку и, подтянувшись, забралась на относительно сухое место между двумя могилками. Где-то по дороге раздались шаркающие шаги. Николай застыл, а потом в мгновение ока оказался рядом со мной. От страха я впилась пальцами в его плащ.

– Слышал?

Упырь шел тяжелой поступью и громко бранился голосом Лулу Копытина. Страх вмиг отошел.

– Черт! – плюнул Коля. – Копытин, ты зачем притащился? – прохрипел он простуженным голосом.

– Упыря ловить, – ответил тот приторно-сладко.

– Идиот! – Я перевела дыхание и привалилась к ограде, чувствуя ни с чем не сравнимое облегчение. Вокруг нежно пахло жасмином, а в призрачном зеленоватом свете на суровом лице Савкова играли легкие тени.

Какой к черту свет, когда вокруг хоть глаз выколи?!

Я осторожно повернула голову и судорожно вздохнула, ужас сковал тело. Упырь оказался вовсе не таким, как я представляла!

Рядом с соседней оградкой отсвечивала нежным магическим светом хрупкая девушка в белых одеждах. Ее длинные волосы растрепались по плечам, уродливое вытянутое лицо с черными провалами глаз и бугрящимися на висках венами казалось повернутым к нам.

– К…к…к…коля, – с трудом выдавила я из себя, дергая Савкова за плащ и тыча в девушку трясущимся пальцем.

Николай очень медленно повернулся и открыл от изумления рот. Мы смотрели на нее, она смотрела на нас. Выпь, чертова выпь, которую, если верить газетным листкам, невозможно уничтожить.

– Вы чего там замолчали? – заорал Лу. – Вы где?

– Копытин, – крикнул Николай, – вали обратно в деревню! Быстро!

Лу замолчал и, похоже, остановился, но после паузы проскулил:

– Я пока сюда шел, чуть не помер от страха, обратно один вовек не вернусь!

– Лу, беги! – заорала я, срываясь с места и хватая за руку Савкова. Тот сдавленно охнул, поскользнулся и навалился на шаткую оградку. Я спрыгнула на дорогу, едва различая вытянутый силуэт Копытина.

– Быстрее! – заорал за моей спиной Савков.

Лулу выждал еще секунду и со всех ног кинулся в сторону деревни. Внезапно откуда-то сверху прыснул белый неживой свет. От него резануло глаза, а кресты и деревья стали отбрасывать длинные уродливые тени. За спиной раздавалось тяжелое дыхание Николая, впереди развивался длинный замызганный плащ Лу.

Магический свет слепил, на долю секунды я обернулась и получила тычок в спину от Савкова.

– Не оборачивайся! – выдохнул он.

В голове шумело, сердце билось как сумасшедшее. Выпь заорала хриплым оглушающим воем, от которого, казалось, лопнут барабанные перепонки. Поднялся жуткий ветер, в лицо ударила грязь и, словно иголки, холодные мелкие капли с листьев. Белый шар метнулся к моей голове, и я задохнулась от резкой жасминовой волны, перед глазами пошли желтые круги, волосы на макушке опалило.

Я упала в самую грязь, в лужу, распласталась без сил, задыхаясь и почти теряя сознание. Чьи-то сильные руки схватили меня за шкирку и потащили куда-то вперед. Я пришла в себя, только когда почувствовала на своем лице холодную струю свежего воздуха, с трудом открыла глаза и приподняла голову. Рядом со мной на мокрую траву, тяжело дыша, неловко плюхнулся Савков. Деревенские мужики, завидев чудище, бьющееся о невидимую границу кладбища, побросали вилы и кинулись врассыпную.

– Коль, потуши, – прохрипела я, кивая на шар. Савков щелкнул пальцами, сначала погас шнур, идущий от запястья, а потом и весь светильник.

Нежить, почувствовав магические жертвы, попыталась пробить стену, налетая на нее.

– Кто это? – прошептал испуганный Копытин.

– Выпь, – выдохнула я, все еще не веря, что осталась живой. – Черт, как эта тварь в деревню-то попала?

Савков медленно поднялся на ноги, бросил на беснующееся чудовище, беззвучно раззявившее черную пасть, брезгливый взгляд:

– Ведьма! – И вдруг заорал как душевнобольной: – Мужики, где у вас деревенская ведьма живет?!

Он рванул с места в сторону деревни быстрее, чем минуту назад спасался от нежити.

– Стой, Коля! – нехотя крикнула я ему в спину. – Ты кого имел в виду?!

Савков уже исчез в темноте.

– Давай за ним! – собрав остатки сил, я поднялась и протянула Лу руку. – А то сейчас наколдует чего-нибудь с перепугу.

Савкова мы нашли перед одним из деревенских срубов, причем в компании мужиков с факелами. Они всей толпой долбились в ворота, покрывая хозяйку дома витиеватыми выражениями. Вокруг брехали собаки, особенно яростно и хрипло заливался хозяйский пес, пытаясь сорваться с цепи. Кое-где в соседних избах зажигали свечи, старались рассмотреть сквозь темные окна, что за разбой происходит. Мы подоспели в тот момент, когда ворота наконец-то поддались и вся орава исчезла в темноте двора. Через некоторое время появился взбаламученный Николай, ведущий под уздцы двух вполне приличных кобылок и огромного мерина.

– Че вы там делаете? – послышался откуда-то из-за соседского забора мужской голос.

– Коль, ты вправду что делаешь? – изумилась я наглому грабежу.

Тут из открытых настежь ворот староста за косу вытащил женщину, босую, в одном исподнем. Та дико визжала, пыталась вырваться, за что получила увесистым сапогом. После чего она захрипела, упала в грязь и зарыдала в голос:

– Не надо! Оставьте, изверги! Оставьте! Не делала ничего!

Она схватила Савкова за штанину:

– Будь ты проклят, безумный! Будь проклят!

Николай оттолкнул ее, но женщина, словно дикая кошка, вцепилась снова.

– Люди добрые, что же это делается?! – визжала она.

Никто не высовывался из дворов. Мужчины с потухшими факелами стояли у забора, почти сконфуженные и испуганные. Может, и хотели ведьмака остановить, да боялись, а Николай и действительно светился какой-то затаенной внутренней злобой, которую при свете дня, видать, прятал глубоко внутри.

– Ты, погань деревенская! – плюнул он и с силой отбросил женщину. Та отлетела на сажень, упала лицом в грязь. Черные длинные волосы разметались, окунулись в лужу, покрыв спину прядками-змейками. – Думала, за счет выпи еще

молодой лет триста проживешь? Вот, мужики, – обратился он к присутствующим, – она эту гадость сотворила, она пусть и умертвляет.

– Садись! – приказал мне Николай, передавая поводья. – И только попробуй пискнуть, придушу!

Глядя в его перекошенное лицо, я посчитала за благо смолчать и быстро забраться на лошадь, только повернулась к ведьме, все еще сидящей в ледяной грязи. Глаза ее горели зеленым колдовским огнем, а над головой светился тонкий, едва заметный зеленоватый венок. Она не говорила в голос, лишь шевельнула губами:

– Будьте порчены все!

Неожиданно пахнуло жасмином, и что-то подобно плетке хлестнуло меня по лицу, даже голова мотнулась, а щеку обожгло. От страха пересохло горло и заслезились глаза. Я отвернулась и пришпорила лошадь, догоняя своих попутчиков.

Похоже, нас только что прокляли!

* * *

Утро мы встретили в пути, измученные бессонной ночью и тяжелой дорогой. Я широко зевала и едва справлялась с дремотой, веки с каждой минутой становились все тяжелее, и держать глаза открытыми было совершенно невозможно. Сон наваливался, не боясь ни утренней прохлады, ни болезненно ноющей щеки. Савков хмуро следил за бесконечной дорожной колеей, доверху наполненной мутной водой. Лу откровенно похрапывал в седле, голова с нахлобученной огромной шляпой качалась в такт спокойному ходу лошадки, а длинная шпага била по ее каурому боку.

– Ты, Коленька, – я широко зевнула, надеясь, что разговор поможет перебороть сонливость, – я смотрю, в конокрады прописался. Одобряю.

В общем, конечно, можно было поговорить о погоде и музыке, благо в институте для благородных девиц на трех языках светские беседы научили поддерживать,

но отчего-то душа хотела скандала. Желательно с дракой. По личному опыту знаю, ничто так не бодрит, как чужая ярость.

Но Носков, боже мой, Савков на диверсию не поддался, упрямо молчал и не отрывался от созерцания живописных комьев грязи на обочине.

– Глянь, Колюша, – не унималась я, – сначала мой кошель, потом вот и коней стырил для нас. Глядишь, через пару дней мы с тобой какой-нибудь банк обчистим. А что? Во Вьюжном есть замечательный банк, его держит Роман Менщиков. Хотя нет, Дед (так его кличут) – мужик лихой, за такие проказы может и поломать, – прицокнула я, едва сдерживая смех.

– Если ты сейчас же не заткнешься, – прошипел Савков, – я сам тебя поломаю.

– Ох, а я думала ты спишь, – протянула я, усмехаясь. – Конечно, ты, наверное, спокойно спишь, и тебя не мучают кошмары. Ты же у нас чистенький и беленький сундук с секретами. Этакая шкатулка с двойным дном, под крышкой бриллиант, а что под бриллиантом? Какую гнилушку прячешь, а? – я покосилась на попутчика.

Тот невесело хмыкнул:

– Дура. Что с тебя взять, как брехливая собака: тявкаешь, тявкаешь, а для чего и на кого? Сама не понимаешь.

В это время Лу хрюкнул особенно громко, подавился, дернулся и наконец-то выпрямился.

– Куда мы приехали? – пробормотал он, едва шевеля языком.

– Это тебя надо спросить. Ты же у нас проводник, – набросилась я на него и действительно почувствовала себя лающей шавкой.

Впереди под горкой замаячила застава. Высокая полосатая будка с промокшим окским знаменем на шпиле. Несколько больших бараков-казарм, конюшня. По открытому двору мелькали стражи в зеленых плащах с красными нашивками, выделяющими Заокский стражий предел. Там же стояли арестованные подводы

торгового каравана. Вокруг них словно ворон кружил начальник заставы, за ним по пятам следовал мальчик-служка. Картинка до слез повторяла ту, что мы видели на мосту-переезде.

– Надо свернуть, – скомандовал Савков. – Наверняка уже наводку получили из Малиновки. Остановят – не отбрешемся.

С тракта мы свернули на узкую проселочную дорогу. Пересекли поле и через пять минут скрылись в лесу. Казалось, минули опасность, но тут из-за поворота выехал ночной патруль. От них за версту воняло заговоренными мечами, через седельные сумки пробивался магический свет призм-заклятий. Разъехаться с отрядом на узкой дорожке мы никак не могли, пришлось поспешно потесниться к обочине. Стражи, не ожидавшие встретить путников в такой ранний час, вмиг очнулись, как один выпрямили спины и напустили на себя вид хмурой решительности.

Главный, с одутловатым недовольным лицом, впился в нас острым взглядом. Я опустила голову, делая вид, что рассматриваю колючку у себя на портах.

– Грамоты предъявите, – без вступлений потребовал он сиплым голосом.

Лу заволновался, его руки на секунду судорожно сжали поводья, даже костяшки пальцев побелели.

Пока он лез в сумку, в разговор вступил Савков:

– Мы заблудились, – простуженно прохрипел он, – пытаемся к Вьюжному выехать, а куда – не поймем.

– Так вам надо на основной тракт. – Казалось, главный успокоился, из взгляда улетучилась настороженность. – Туда, – он ткнул толстым пальцем в обратном направлении.

– Спасибо, – кивнула я, стараясь не поднимать на него глаз.

В этот же момент я услышала, как рядом с ухом всколыхнулся воздух. Я резко уклонилась, срезанная наточенным лезвием легкая золотистая прядь моих волос

плавно опускалась на землю. Главный захрипел и стал заваливаться вбок, под его прижатыми к левому плечу пальцами растекалось алое пятно. Обернувшись, я увидела, как на бледных щеках Лу выступили красные пятна, а глаза загорелись темным густым пламенем.

Он наотмашь рубил тонкой блестящей шпагой с окровавленным острием. Савков шарахнулся в сторону, едва удержавшись в седле. Я резко прижалась к лошадиной гриве и впила каблуки в мягкие бока кобылы. Онемевшие стражи в одно мгновение пришли в себя и с ругательствами оголили мечи. Главный медленно падал ниц, грязный сапог с налипшей на подошву коричневатой глиной застрял в стремени. Тяжелое тело с вывернутой ногой нелепо опрокинулось в лужу, глаза закатились, приоткрывая мутно-розоватое глазное яблоко. Его кобылка, испуганная шумом и металлическим звоном оружия, сначала медленно, а потом все быстрее пошла по дороге вниз к тракту.

Я пришпорила свою уставшую лошадь, та, хрипя, перешла на галоп. По бокам замелькали белоснежные стволы берез и голые кусты. Под копытами взмывала вверх листва, грязно-коричневым облаком ложилась обратно на землю. В висках стучала кровь, глаза не видели ничего: ни колеи, развороченной тонкими колесами телег, ни жидкой грязи, ни взмыленной шеи несчастного животного, только страшные закатывающиеся зрачки главного. Я неслась напролом, не разбирая дороги. Сзади слышалось хрипящее дыхание мерина Савкова, а потом вдруг раздался хруст и громкий предсмертный всхлип. На полном скаку я развернулась, вцепившись в поводья. Николай, прижатый мертвым конем, лежал в кустах. Я осадила лошадь, та с трудом остановилась, попыталась встать на дыбы, но сил не хватило. Спотыкаясь, она прошла еще пару сажень и встала.

Из леса на безлюдную полянку, петляя между деревьями, выскользнул Лу на едва держащейся на ногах кобыле. Его вытянувшееся лицо выражало бесконечный испуг и непонимание. Я спрыгнула на землю и кинулась к Савкову. С огромным трудом мне удалось вытащить его из-под павшего коня. С перекошенным болезненной гримасой лицом он поднялся на ноги. Лу топтался рядом со своей лошадью, смотрел в нашу сторону испуганно и почти виновато. Он тяжело дышал и нервно облизывал губы. Николай медленно разогнулся, злобно глянул на Лулу, а потом стремительно подскочил к нему. Его кулак резко впечатался в скулу Копытина. Тот, взвизгнув, моментально рухнул вниз, Савков упал на него, покрывая ударами.

– Эй, орлы! – заорала я и побежала к дерущимся. Мужчины молча и ожесточенно катались по мокрым листьям. – Прекращайте, это! – Я схватила Савкова за занесенный кулак.

Он дернулся, утягивая меня за собой в клубок сцепленных тел. Я неуклюже завалилась на него, грубо выругалась, ударила коленом под ребра, задела локтем нос Лу и завизжала на ухо Николаю:

– Нас прокляли, идиот!

Он замер всего на мгновение, чтобы одним рывком отскочить в сторону и выпрямиться в полный рост, а затем непонимающе посмотрел на меня сверху вниз.

– Урод! – крикнула я ему, поднимаясь и протягивая Лу руку, у того текла кровь из рассеченной губы. – Колдун нечесаный, много ты видел, когда коней у деревенской ведьмы уводил? Прокляла она нас, всех прокляла! Лу не может со страхом справиться, оттого и напал на стража!

Копытин между тем, дрожа всем телом, встал за моей спиной, словно малый ребенок, ища защиты от опасности в лице Савкова Николая Евстигнеевича.

– Мы засветились! – прошипел Коля, буравя меня злобным взглядом. – Теперь нас будут разыскивать по всей Окии!

– Не будут! Неужели ты еще не понял? Нас никто не тронет, пока мы не доберемся до Гиблых болот. Вылавливать начнут потом, если мы вернемся назад, поодиночке! Тебя и меня! Так ведь, Лу?! – повысила я голос, обернулась через плечо и уперлась взглядом в грязный камзол. – Пока нас не тронут!

Мы с Николаем, тяжело дыша, глядели друг на друга – два заклятых врага, случайно соединенных по чьей-то воле.

– Мы едем дальше! – Он резко развернулся.

– В Малиновку, чтобы упасть на колени перед ведьмой, поцеловать ей ноги и вернуть лошадей. Иначе до Мальи мы не доберемся!

– Нет.

– А не пошел бы ты в болото, колдун?! – буквально прошипела я, глаза застилала кроваво-красная пелена.

Внезапно поднялся жуткий, воняющий жасмином ветер, в лицо брызнула вода и листья. Кусты и тонкие деревца пригнулись к земле. Лошади с диким ржанием скрылись за деревьями. Меня отбросило на мягкую землю. Лу схватился за березу. Его плащ взметнулся вверх, шляпа улетела и повисла высоко на осине. Прикрывая ладонью глаза, я попыталась отыскать Савкова и буквально открыла рот от изумления. Над ним развернулась огромная черная воронка, засасывающая в себя сучья, подгнившую листву, комья грязи. Николай держался за куст, но его пальцы скользили по голым хворостинам, а в черном зеве уже исчезли ноги. Последнее, что он успел выкрикнуть: «Останови это!», и через долю секунды улетел в неизвестность. Воронка метнулась над землей, сжалась в зеленоватую, почти прозрачную точку и растворилась с тихим хлопком.

Ветер моментально утих, на землю разом рухнули камни, какие-то бревнышки, выкорчеванный колдовством пень. Листья плавно опускались, кружа над нашими с Лулу головами. Я закашляла, с трудом поднялась на ноги и прохрипела:

– Что это было? – сплюнула и посмотрела на изумленного Копытина слезящимися от пыли глазами.

– Это… это… – он запнулся и ткнул трясущимся пальцем в то место, где только что стоял Савков, – это кликушество. Ты ему от всей души пожелала провалиться в болото, он и провалился.

– Так.

Я скрестила руки на груди и прошлась до валявшегося на темном боку пня.

– Так-так. Где наши лошади? – Я осмотрелась, заметив между деревьями свою лошадку, успокоилась. – Где Савков теперь может быть?

– А-а-а, – Лу замялся, – ну, наверное, в болоте.

– В болоте, значит. – Я облизнула губы и устремилась к лошадям. – Замечательно. Он в болоте.

Вот он, настал, решающий момент, самое время улизнуть. Главного вдохновителя не стало, пора и честь знать. Улетел в болото? Что ж, туда ему и дорога. Подзадержалась я тут с вами, мужики.

– Ты куда? – позвал меня Копытин испуганно.

– Как куда? – я удивленно оглянулась. – В Серпуховичи, конечно.

– Как же так? – Лу, тяжело ступая, нагнал меня. – Мы должны найти его! Мы же друзья!

– Мы? – Я даже поперхнулась и ткнула себя пальцем в грудь. – Мы: это ты, я и Савков? – уточнила я на всякий случай. – Не знаю, как ты, – я накинула на шею кобылы повод, – а у меня друзей нет. Особенно таких.

Я легко села на лошадку, прекрасно понимая, что несчастное животное от усталости не сдвинется с места.

– Это жестоко, – прошептал Лу, едва не плача.

– Жестоко? – протянула я. – А не жестоко было меня подставлять, не жестоко отправлять в какой-то дурацкий замок?! Не жестоко?! Отчего все вдруг ждут от меня благородства?! – заорала я, распаляясь.

– Я… – Лу запнулся, – не знаю, – он вытянул руки по швам и опустил золотоволосую голову. – Я правда не знаю. – Он поднял лицо, в ясных голубых глазах блестели слезы.

Он стоял, несчастный и подавленный. Глупый неразумный ребенок, которого, возможно, обманули так же, как и меня. Чего он ждал от этой поездки? Романтики, приключений? А получил двух смертников, готовых загрызть друг друга, нападающих друг на друга и цапающихся по любому поводу, да еще труп стража в придачу. Он такой же исполнитель, как и я. Возможно, ему тоже не повезло. Не исключено, что его вовсе уберут. После, когда Ловец окажется в

руках тех, кто послал его привезти.

– Ну ладно, – я дернула плечом, – поехали.

– Куда? – испугался Лу.

– Друга твоего искать, – хмыкнула я и слезла с мертвецки усталой кобылы.

Мы вышли обратно к полянке с примятой почерневшей травой, поломанными кустами и вывернутым пнем. Еще раз с сожалением посмотрели на павшего коня и стали выбираться к главному тракту, откуда свернули на проселочную дорогу. Лошадки, ведомые за повод, плелись понуро и нехотя, приходилось останавливаться, чтобы дать им напиться из луж.

– Интересно, – кашлянула я, рассматривая голубое небо и взошедшее солнце, – где здесь может быть болото?

– Может, спросим?

Я глянула на Лу как на умалишенного.

– Копытин, если ты не заметил, нас здесь двое, то есть ты и я. Ты можешь спросить у меня, где болото, но я тебе все равно не отвечу, потому как не знаю.

– Я имел в виду ее, – Лулу неопределенно кивнул.

Я быстро оглянулась, по тропинке между деревьев шла девица с корзиной, прикрытой салфеткой. Девчонка как девчонка, в платке, распахнутой тужурке, в лаптях, но что-то внутри так сильно кольнуло, что я болезненно поморщилась.

– Эй, – крикнула я ей, по-прежнему ощущая дискомфорт, словно делаю какую-то неописуемую глупость.

Вот странно, отчего это чувство не пришло, когда я залезла в Королевский Музей?!

Девушка окинула нас одним быстрым взглядом, замечая все до последней мелочи, прижала корзину к груди и заторопилась в лес.

– Не хочет девица с тобой разговаривать, Копытин, – проворчала я, передала ему повод, а сама поспешила за незнакомкой. – Постой, ты!

– Чего тебе надо? – отозвалась она сочным, совсем не юным голосом, но даже не обернулась.

– Ты местная? – Я запыхалась, догоняя ее.

– Если и местная, что из этого?

– Где здесь болото? – задыхаясь, пробормотала я.

– Болото? – Девица удивленно оглянулась, а потом и вовсе остановилась, по-прежнему прижимая корзинку к груди. Я смогла рассмотреть ее бледное, чуть вытянутое лицо с большими синими глазами. Над тонкой бровью краснело родимое пятно, идеально круглое, как нарисованное.

– Ага, болото. А ты думала, грабить будем? – Я схватилась за ноющий бок и посмотрела на нее привычным мучительным взглядом, не видя ни капли магии. Девица на шутку не отреагировала, не смутилась, только махнула рукой:

– Надо выехать на главный тракт, потом увидите просеку, она упирается в небольшое болотце.

Я кивнула и хотела позвать Копытина, но что-то остановило меня, какой-то легкий веющий жасминовый аромат. На мгновение застыв, я принюхалась – магии не было.

– А чего одна в лесу делаешь? – спросила я невпопад.

– Грибы собираю.

– А-а-а, – удовлетворившись, промычала я, пытаясь разглядеть Лулу. – Копытин! – заорала я в пустоту, отразившую мой крик протяжным эхом. –

Поехали обратно на дорогу до Малиновки!

Мы тащились по тракту. Утро было в самом разгаре, яркое нежаркое солнце подсушило лужи, ветер играл с волосами Лу, трепал мою косу. Я не переставая думала о девице. Что-то меня смущало в ней, что-то тревожило. Грибы она собирала, какие грибы могут быть в октябре месяце? Места здесь пустынные, людей почти нет, деревни гнездятся рядом с Вьюжным. Что молодая девка могла делать в лесу ранним утром в гордом одиночестве?

– Ведь этот грех всегда будет на моей совести, так ведь? – вдруг через тревожные мысли донесся до меня голос Лу.

Похоже, он о чем-то давно и напряженно рассуждал.

– Что? – очнулась я.

– Скажи, Наташ, мертвые люди приходят во сне? – Его отчаянно мучили приступы совести и раскаяния за глупое нападение на стражей.

– Не знаю. – Я зевнула, сон снова стал наваливаться всей своей тяжестью, дорога прыгала перед закрывающимися глазами. – Я никого никогда не убивала. Ты не бойся, Лу, он, скорее всего, выжил. Ты его ранил в плечо, – уверенная в обратном, попробовала я успокоить мальчишку.

– А почему он тогда упал? – не унимался тот, в голосе сквозила надежда.

– От неожиданности.

Я снова зевнула до хруста в челюсти и слез на глазах. Справа от нас показалась длинная вырубленная полоса. Солнце высвечивало потемневшие срезы невысоких пеньков, сиротливо топорщившихся из заваленной щепками и опилками травы.

– Нам туда, – кивнула я в сторону просеки, вдыхая запах влажной, слегка подгнивающей древесины. Мы повернули в направлении льющегося солнечного потока, на самый ветродув.

– Как-то тихо, – поежился Лулу, запахивая разлетающийся плащ.

Несмотря на сильный ветер, вокруг действительно казалось тихо, будто деревья, кусты, пожухлая трава застыли в ожидании. В этой настороженной затаенности, словно гром среди ясного неба, прозвучал звук хлопающих крыльев. Мы с Лу одновременно подняли головы, чтобы просто удостовериться – это он. Дракон приближался к нам с невероятной скоростью, от его мощных крыльев расходились волны зеленоватого свечения. Он разинул вытянутую пасть, и лес накрыл одуряющий животный вой. Кобылы от страха замерли на месте, принимая собственную жертвенную смерть. Мы с Лулу шарахнулись в сторону. Я только почувствовала, как в спину толкнула теплая волна, и ничком плюхнулась на землю. Запахло дымом и горящей плотью, где-то в огне в предсмертных судорогах заржали лошади. Деревья затрещали от невыносимого жара.

– Ты жива?! – Сквозь серую едкую завесу ко мне подбежал Лу. Я вскочила.

Мы бежали через лес, спотыкаясь, падая, снова поднимаясь в бешеном желании спасти собственные жизни. Над жидкими голыми кронами неслась длинная серая тень с огромными крыльями. Снова раздался оглушительный вопль, и на нас стало надвигаться красное облако, уничтожающее все на своем пути. В его огненном зеве исчезали длинные стволы, превращаясь в черные обугленные палочки. Из последних сил мы завалились в глубокую яму, неудачно, прямо на скользкие, покрытые мхом сучья. Пламя прошло над самой головой, посыпав сверху крохотными искрами и пеплом, съедая мокрый лес. Влажные листья не горели, только плавились с отвратительным едким дымом. Через несколько минут, уже задыхаясь, мы выбрались наружу. Вокруг творилось невообразимое: обжигающие языки огня охватили высокие кроны, лизали деревья. Ветки кустов пузырились, съеживались. Из-за темного, почти черного дыма не было видно неба. Я раскашлялась, пытаясь вздохнуть, в горле першило, лицо горело от жара.

– К болоту! – скомандовала я, хватая Лу за руку. Его плащ стал медленно тлеть, по бархатной подкладке пробежали яркие огненные змейки. – Стой! – Я затоптала сапогом подол.

– Где дракон? – Копытин пытался высмотреть противника.

– К черту дракона! – рявкнула я.

Сквозь мелькающее пламя мы поспешили обратно к горящей просеке, превратившейся в доли секунды в выжженный пустырь. В вышине снова захлопали крылья, от дыма было не видно, где кружило чудище. Мы напролом пронеслись на другую сторону в лес, огонь сюда еще не дошел, но густой, пахнущий гарью туман уже лежал на земле, пряча дорожки. Я даже не поняла, как под ногами захлюпало, а земля превратилась в жидковатую кашу и сапоги стали проваливаться почти по щиколотку.

– Болото, – посетовал Лу, выуживая провалившуюся ногу. Мы так углубились в лес, что до нас доносился лишь слабый запах дыма.

– Носков!!! – заорала я как бешеная, сложив ладони домиком.

От неожиданности Лу вздрогнул и окатил меня обиженным взглядом.

– Черт! – проворчала я. – Савков!!! Ты где?

Я не ожидала, что он ответит, но тут до нас донесся слабый, едва слышный оклик.

– Ты слышал? – насторожилась я.

Копытин неуверенно кивнул.

– Туда! – махнула я рукой и снова завопила: – Савков!!!

Сегодня Николаю Евстигнеевичу Савкову не повезло особенно сильно, вываливаясь из странной воронки, в которой его крутило и швыряло, казалось, целую вечность, он плюхнулся в самую топь и моментально провалился в нее по пояс. К тому времени, как мы с Лу смогли разыскать его, Колюшку утянуло уже по плечи, и только оттого, что он слишком яростно пытался выбраться на твердую кочку, манящую его, как холодная вода страждущего в пустыне.

Мы смотрели с Лу на его жалкие попытки вылезти из трясины, и в моей душе расцветало злорадство, будто все мечты в одночасье исполнились, и Савкова

наказал всевидящий боженька.

– Савков! – крикнула я и небрежно заложила руки в карманы. – Мы пришли спасать тебя!

Николай бросил на меня яростный взгляд и заголосил:

– Москвина, не открывай рта! От тебя одни неприятности!

– Как мы его вытаскивать-то будем? – зашептал Лу. – Посмотри, он уже руки поднять не может.

– Савков, ты вляпался по самые уши! Похоже, твои дни закончатся в самом крохотном болоте в Заокии! – веселясь от души, хохотнула я. – Ты же хотел в Гиблые болота, вот и нашел себе этакую гиблую лужицу!

– Москвина, заткнись! – гаркнул Николай.

– Может, ты пожелаешь, чтобы он шел на… – я бросила на Лу заинтересованный взгляд, тот сконфузился и тихо добавил:

– Ну на берег?

– Савков, а не пошел бы ты к нам на берег? – криво усмехаясь, проворковала я, но ничего не произошло. Коля лишь дернулся и плавно стал опускаться в трясину, уже окуная небритый подбородок в жидкую грязь.

Вытаскивать Савкова пришлось буквально за шкирку. Копытин, продемонстрировав чудеса ловкости, легко, словно всю жизнь провел на болотах, добрался до вожделенной Николаем кочки, а с нее, приложив недюжинную силу, вытащил несчастного на относительно твердую поверхность.

– Вы отчего все в саже? – прохрипел Николай, яростно стуча зубами от холода и с трудом поднимаясь на ноги. С его одежды текла жидкая грязь, волосы стояли дыбом.

– От дракона спасались, – отозвалась я, задирая голову.

– От какого дракона?

По небу скользнула серая тень, хлопнули крылья.

– От этого! – в ужасе заорала я, тыча в чудище пальцем.

Дракон словно услышал мой вопль, опустил голову и стал молниеносно опускаться.

– Уходим! – взвизгнула я.

Внезапно Савков вскинул грязные руки, пахнуло жасмином, и в воздух взлетел ярко-зеленый шарик. Николай пошатнулся, схватился за мой кафтан, падая и утягивая меня за собой. Подобно шаровой молнии магическое заклинание метнулось в раскрытую черную глотку дракона. Я стояла на коленях в ледяной жиже и не отрывала взгляда от крылатого существа. Оно извивалось в воздухе, выписывая невероятные петли, кашляло и чихало, а потом камнем рухнуло куда-то за деревья.

– Господи, я думал, их нельзя так просто убить, – прошептал бледный как смерть Лу, измазанный болотной грязью.

– За каждым драконом стоит человек. – Савков стал отжимать свой плащ. – Я его не убил, он просто сознание потерял.

– Какой человек? – насторожилась я, пытаясь пучком сухой травы оттереть пятно с портов.

– Хранитель, – пожал плечами Николай, выбираясь на дорожку.

Перед глазами всплыл образ девушки из леса.

– Как они выглядят, Хранители? – допытывалась я, когда мы, стараясь минуть горящую просеку, выбирались к тракту.

– Как люди с секретом.

– Люди с секретом? Как ты, что ли?! – рявкнула я, буравя Николая злобным взглядом. – Коленька, не считаешь ли ты, что пришло время объясниться? – сладко промурлыкала я, в бешенстве кривя губы в улыбке, больше похожей на звериный оскал. – Может, тебе стоит рассказать все, с самого начала? Ты заранее знал о подставе и поэтому оказался в Музее? Тебе было известно, что мне не суждено висеть на веревке, так ведь? – прошипела я. – Зачем тебе нужен Ловец, зачем ИМ нужен Ловец?

– У нас же перемирие, – опасливо прошелестел за моей спиной Лу.

– Молчи, Копытин! У меня к тебе не меньше вопросов! – в ярости взвизгнула я, так что крикливое эхо разлетелось по всему безлюдному лесу.

Лу отступил на шаг, как будто боялся, что я наброшусь на него.

– Мне надоели твои истерики, институтка, – после долгой паузы прохрипел Савков.

– Истерики, значит, – хмыкнула я, понимая: действительно истерика, нормальный бабий визг от страха за собственную жалкую шкуру, – иди ты в баню со всеми своими секретами, Николай Евстегнеевич Савков.

Воронка и на этот раз сработала отлаженно, буквально с ювелирной точностью раскрылась как раз над головой Савкова. Мы с Лу схватились друг за друга, а Николай уже исчез в темном, на этот раз зеленоватом нутре, успев нецензурно обозвать меня. Когда ветер утих, листья опустились обратно на землю, я огляделась.

– Кажется, я его в баню послала? – неуверенно кивнула я на то место, где только что стоял Савков. – Надеюсь, что в округе не так много деревень… и бань в них немного. – Я едва ли не побежала по дороге в сторону тракта. – В идеале пусть будет только одна баня, и та общая, – ворчала я, злясь на себя.

Мы вышли из леса на проселочную дорогу аккурат рядом с выцветшим от времени указателем: «До Благостной Малиновки пятнадцать верст».

– Чертовщина какая-то, – пробормотала я.

С сильным ветром сюда уже долетел запах гари, в небо уходил черный дым. Рядом с нами медленно проехала телега, из-под деревянных колес летела грязь. Сизый мерин недовольно пофыркивал, мужичок-крестьянин глядел на дорогу блестящими пьяными глазами.

Мы встали на обочине.

– Эй, – мужичок натянул вожжи, – ребятки, ежель в Малиновку путь держите, то подвезу.

Я помялась, потом пожала плечами. В Малиновку так в Малиновку. Какая разница, откуда начинать поиск «упорхнувшего» Савкова? Мы забрались в сено на дне телеги и затряслись на колдобинах, даже зубы стучали.

– Говорят, в трех верстах пожар начался! – крикнул нам мужичок, выпуская бражные пары. – Опять, поди, стражий предел отношения выяснял, как своих заклинаний напустят, так леса и горят. Дело-то привычное уже. Вы, смотрю, в саже, оттуда?

– Нет, дед, – кашлянула я в кулак, – мы не оттуда.

– У нас тут невидаль случилась, – разошелся говорливый мужичок, – на патруль напали!

Мы с Лу переглянулись, в его глазах мелькнул страх, как у затравленного кролика, брошенного в клетку к лисице.

– Как? – стараясь не выдать собственного напряжения, небрежно полюбопытствовала я.

– Да непонятно толком, – махнул рукой дед, – говорят, в лесу встретили троих. Хотели грамоты проверить, а тот, что помоложе, стал шпагой махать, даже главного слегка задел, плечо порезал. У нас вообще леса страшные, разбойнички лютуют.

– Он жив остался? – перебила я говоруна, не сводя взгляда с нервно заалевшего Лу.

– Кто? – не понял вошедший в раж мужичок.

– Главный.

– Конечно. Что ему будет? Руку перебинтовали, он в деревню мальчишку послал за брагой, мол, обезболивающее.

Копытин сам себе улыбнулся и расслабленно растянулся на сене, положив руки под голову и пожевывая травинку. Я сладко задремала, подложив под щеку ладонь. Внезапно мужик осадил конька, тот недовольно заржал.

– Эй, бабка, что с тобой?! – услышала я его хрипловатый окрик.

Я резко села, подслеповато щурясь. Голова гудела, тело ныло, словно я провалялась в беспамятстве двое суток. Лулу спал, свернувшись клубочком, и сладко улыбался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/efiminyuk_marina/lovec-dush

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить